

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

ЯДОВИТЫЙ
ПОЛИГОН

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров
ЯДОВИТЫЙ ПОЛИГОН

«Автор»

2012

Самаров С. В.

Ядовитый полигон / С. В. Самаров — «Автор», 2012 — (Спецназ ГРУ)

В дагестанское село переброшен отряд из трех десятков бойцов, якобы принадлежащий некой сверхсекретной российской спецслужбе. Волею судеб в нем оказывается и старший лейтенант спецназа ГРУ Самоваров. Вскоре офицер выясняет, что это вовсе не бойцы из секретного отряда, а террористы, которые занимаются испытанием нового биологического оружия. Сначала они испытывают заразу на животных, но от неизвестной болезни начинают гибнуть и люди. Ситуация вот-вот выйдет из-под контроля и обернется грандиозной трагедией. У Самоварова нет времени на размышление. И он начинает свою войну...

© Самаров С. В., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Пролог	5
Глава первая	9
Глава вторая	28
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сергей Васильевич Самаров

Ядовитый полигон

Пролог

Капитан в грязном, промасленном бушлате курил сигарету за сигаретой, ежился от холода и втягивал руки в рукава, наблюдая за нашими занятиями. Кажется, он был замполтехом батальона мотострелковой бригады, на территории которого временно квартировался наш сводный отряд спецназа ГРУ. Никакого отношения к боевой подготовке капитан не имел в принципе. Его дело – бронетранспортеры и боевые машины пехоты, ремонт и настройка техники, снабжение запчастями и топливом, но уж никак не оценка умения солдат спецназа ГРУ проходить полосу препятствий. Более того, даже подготовка солдат его батальона совсем не должна была волновать капитана. А тут за нашими занятиями наблюдает... Внимательно. С прищуром. Это раздражало. Тем более что на территории была создана не привычная для нас спецназовская полоса препятствий, а обычная общевойсковая. Здесь и дистанция не наша, четырехсотметровая, а всего-то около сорока метров, от силы пятьдесят, и препятствий соответственно меньше, да и сами препятствия совсем не те, к которым мы привыкли. Забор, кирпичная стена, бум-бревно, окоп, яма, полоса для передвижения ползком – и все.

Особенно меня раздражала как раз эта полоса. Ладно, хоть проволоку колючую сверху протянули. В других частях в срединной России сейчас просто гладкую проволоку натягивают. Заденешь ее, и ничего, никто не поцарапается. Это, конечно, несерьезно. А высота натянутой проволоки в сорок сантиметров меня как командира взвода спецназа ГРУ не устраивала категорически. На такой полосе ползать толком не научишься. Наша стандартная полоса на десять сантиметров ниже, и промежутки между проволокой не полуметровые, как здесь, а сантиметров в двадцать. Следовательно, колючек на проволоке намного больше, и оттопыривать зад при передвижении отучишься быстро. А это уже какая-то гарантия, что в боевых условиях не получишь пулю в «кормовую» часть. Те, кто под простой проволокой ползает, наверняка «поймают» ее в боевой обстановке. А мои солдаты – нет.

Но нам в этой командировке приходилось довольствоваться тем, что оказалось под рукой. У мотострелковой бригады база совсем другая, нежели в бригаде спецназа ГРУ; здесь классов больше, но нет условий для полноценной боевой подготовки. Тем не менее, мы и здесь тренировались как могли. Раздражало только то, что на полосе препятствий не было участка для стрельбы. И все боевые стрельбы в мотострелковом батальоне проводились на загородном стрельбище. Так к реальному бою не подготовишься. На отдельном стрельбище можно только из статичного положения стрелять. Как в тире, только на свежем воздухе. У нас же в бригаде стрельбище совмещено с полосой препятствий. Солдат обязан уметь одновременно и передвигаться, и стрелять. Причем мишени выставлялись и автоматные, и пулеметные, и гранатометные, и огнеметные. И не отдельный гранатометчик или огнеметчик обязан освоить стрельбу в динамике, а каждый солдат, потому что в спецназе ГРУ любой боец является самостоятельной единицей и обязан уметь вести бой любыми средствами в любой обстановке, даже в одиночку. И уж конечно, не должен обращать внимания на то, что земля начала промерзать. К этому нужно привыкать. Кто шевелится, двигается, тот и не мерзнет.

Капитан с хрипом прокашлялся, затоптал очередную сигарету и снова поежился перед тем, как достать следующую. Он мерз не оттого, что было жутко холодно. Погода на Северном Кавказе даже в предзимние месяцы не слишком морозная, а временами даже сырая. Он мерз, наблюдая, как мои солдаты пластаются по холодной, на его взгляд, земле. Станный капитан. Я его давно заметил. И не только рядом со своим взводом. В нашем сводном отряде шесть

взводов. И зампотех батальона ходил смотреть наши занятия регулярно. То с одним взводом, то с другим. Словно бы учился. Да он, наверное, так и думает, будто опыт перенимает. Однако в его возрасте и при его звании пора бы уже знать, что обучиться чему-то можно только на практике, а отнюдь не при наблюдении. Наблюдая за некурящими, курить не бросишь. При наблюдении можно только теорию освоить, да и то если кто-то будет объяснять ему тонкости, и не мимоходом, а с толком, с подробностями. Лекцию, то есть, прочтет, а потом зачет примет. Лучше бы уж сам поползал и побегал, тогда и согрелся бы. Я-то, давая задание взводу, дважды полосу вместе со всеми (вернее, впереди всех) прошел, чтобы темп задать, хотя, конечно, солдатам тягаться с офицером трудно.

– Все! Конец занятий! – скомандовал я. – Построились, и колонной бегом вокруг полосы препятствий три круга. Темп высокий. По завершении тем же темпом в казарму. И не расслабляться. Зал пока занят. Заниматься будем или в самой казарме, или даже перед казармой. На воздухе лучше. По расписанию у нас «рукопашка»... Готовьтесь.

Капитан вздохнул, расстраиваясь каким-то своим мыслям, и снова закашлялся. Взвод же загудел довольным роем пчел. «Рукопашку» солдаты почему-то любят и готовы круглые сутки бить друг другу морды. Впрочем, я их этим не балую. «Рукопашка» в боевых условиях редко приходится к месту. Есть множество других дисциплин, которые следует освоить в большей степени.

Время шло к вечеру, а темнело сейчас очень рано. Поэтому мне пришлось закончить занятия с солдатами на тренировочном полигоне раньше, чем положено. На неосвещенных участках уже ничего не было видно. Фонари стояли только по углам периметра, но из четырех горели лишь два по диагонали. Конечно же, всю полосу препятствий они не освещали. На ту же колючую проволоку напорешься в темноте – рад не будешь.

Конечно, наш род войск такой, что мы должны обучаться в том числе – и даже в первую очередь – ночным действиям. Зря, что ли, нас «летучими мышами» зовут, и эта же животина нашла себе место на эмблеме спецназа ГРУ? Но это обучение будет позже. У меня же половина взвода – молодые солдаты. Их еще предстоит подготовить. Сначала научить толково проходить полосу препятствий днем, в том числе с завязанными глазами, – и только потом ночью. Это обычная практика.

Вообще-то, честно говоря, сначала я вообще был против этой трехмесячной командировки. Мне как раз трех месяцев не хватало, чтобы хотя бы более-менее подготовить молодых солдат к ведению боевых действий. И изначально нас никто отправлять не планировал. Но сложились какие-то обстоятельства, изменившие планы командования, и наш взвод поставили на замену. А что такое обучение в процессе боевых действий? Это повышенная опасность для солдат. Но нынче на Северном Кавказе полноценные боевые действия не велись, и командование бригады обещало, что даже в командировке мой взвод будет только в запасе. Честно говоря, в запасе мы и оставались, и проходили подготовку на не слишком подходящей для этого базе мотострелкового батальона. Тренировал я парней усиленно, стараясь за счет интенсивности привести их в боевую форму. А отдыхать дома будут. Какой-то начальник в порыве реформаторства придумал, что служить солдату положено только год. А настоящего солдата – по крайней мере, настоящего спецназовца – готовить нужно не менее полутора лет. Солдат только к четырехчасовому режиму сна, принятому в спецназе ГРУ, год привыкает. И лишь через год перестает страдать от недосыпа, чувствуя себя всегда бодрым и выспавшимся. Но уже через год ему отправляться домой...

Впрочем, в армии приказы, как известно, обсуждать не принято. И в самых скверных условиях мы старались выжать из ситуации максимум. Кроме того, меня еще одолевали и противоречивые чувства. Воевать с бандитами, тоже не обученными, мои солдаты могли бы, пожалуй, и на нынешнем уровне подготовки. Тем более что почти половина личного состава взвода – парни с опытом. Их даже обижало положение запасных. Бойцам хотелось серьезного дела.

Хотя, конечно, одновременно оставались и опасения. Спецназ ГРУ привык воевать практически без потерь, это еще со времен Афгана так повелось. За счет более качественной и жесткой подготовки наши бойцы не позволяли противнику нанести себе урон. Но, опять же, желания в армейской действительности значат мало. Здесь все решают приказ и обстоятельства...

* * *

Мой взвод действительно берегли, что меня, честно сказать, даже слегка обижало. В других взводах тоже есть необстрелянные солдаты, хотя и не в таком количестве, как у меня. А моим тоже было бы не грех получить боевое крещение. Но если уж решили не брать на очередной выход, то хотя бы предупредили, а то я узнал обо всем только от дежурного по мотострелковому батальону. Правда, бывают ситуации, что и предупредить некогда, это я понимаю, но все же хотелось бы к себе больше внимания от командира, хотя мы с ним из разных бригад и раньше не встречались.

Весь отряд, кроме моего взвода, по тревоге отправили на границу с соседним районом. Что-то там произошло, о чем мне не сказали, да и командиру отряда, наверное, сообщили только по прибытии на место, как это обычно бывает. А нам освободили для занятий спортивный зал. Правда, он был небольшим. Наверное, меньше бывает только в старых сельских школах. Тем не менее, нас и это устраивало. Все-таки в зале заниматься лучше, чем в казарме. Тут, по крайней мере, есть маты, которые можно использовать при отработке приемов, пока бойцы не научатся правильно падать. Когда техникой овладеют, можно будет занятия и на асфальте проводить. Умение падать – это очень важный момент в рукопашном бою, потому что любое неправильное падение вполне можно сравнить по силе воздействия с пропущенным сильным ударом в челюсть.

Но мы даже разминку провести не успели, как дверь в зал распахнулась и вошел давешний капитан, зампотех батальона, а вместе с ним – трое местных, судя по физиономиям, ментов. Один из них, видимо, старший офицер – хотя погон под бронежилетом видно не было, но по возрасту ему пора уже было быть старшим офицером, – был рослым, широкоплечим и важным. Капитан сделал мне знак, приглашая к двери. Я подошел.

– Старлей, тут такое дело... Меня дежурный к тебе послал. К нам за подмогой приехали. А мы кого выставить можем? Выручай. Наши пацаны в такой ситуации не потянут...

– Что случилось-то? – спросил я, чувствуя, как глаза у меня загораются надеждой.

– Вот, товарищ подполковник объяснит.

Старший мент важно, как будто делал одолжение, протянул мне руку для рукопожатия. Мне его жест сам по себе не понравился. Не люблю в людях важность, хотя уважаю чужую самооценку. Но когда самооценка становится гордыней, это неприятно. И я с силой пожал протянутую ладонь, ожидая, что этот большущий подполковник поморщится, как морщатся практически все, кому я жму руку. Но он вытерпел, хотя и сильно напрягся, показывая, что тоже человек не слабый. А у меня пальцы такие, что гвоздь-двухсотку в узел завязываю. Правда, затянуть узел не получается, тем не менее редко кто может повторить то, что я делаю. А однажды в бою, когда у меня кончились патроны, я ногой выбил у противника автомат, увернулся от его кулака и мне в кисть каким-то образом попал его бицепс. Не знаю, как это получилось, позже повторить это у меня случая не представлялось, но я вырвал бандиту из руки всю мышцу, начисто разорвав связки. В тюремном лазарете с хирургической операцией не справились, и бандит на всю жизнь остался одноруким.

– Старший лейтенант Самоваров, – представился я.

– Подполковник Нажмутдинов, Шахмарданом Саламовичем меня зовут. Начальник отдела вневедомственной охраны района, – представился он в ответ все так же важно.

Говорил офицер с сильным кавказским акцентом, при этом совсем без напряжения, даже слегка флегматично. Значит, акцент не от волнения и не от торопливости, как часто случается, а от природы.

– У нас в городе ограбили ювелирный магазин. Целый сейф с драгоценностями вывезли. При ограблении убит наш лейтенант. Грабителей преследовали. Они укрылись в жилом доме на окраине пригородного поселка. Бандитов было трое. В доме находятся по крайней мере еще четверо мужчин. Все вооружены, оказывают сопротивление. Мы сначала сунулись в открытую – нас встретили автоматным огнем. Убиты еще два наших сотрудника, один ранен. А у нас, как назло, почти весь личный состав в соседний район перебросили. Туда же, наверное, куда и ваших. И весь ОМОН там же. Говорят, в ущелье обложили большую банду. У меня сейчас три человека здоровых и один раненый держат на мушке дом и двор, выйти бандитам не дают. Больше и выставить некого. Вот я к армии и пришел за помощью. Комбата не застал, а дежурный к тебе направил. Может, поможешь? Вы все-таки спецназ...

– Поможем, – без раздумий согласился я, даже радуясь, что в отсутствие основных сил спецназа нам досталась достаточно сложная задача.

По нынешним временам, конечно, сложная. Сейчас ведь как бывает? Двух, от силы трех бандитов где-нибудь обложат – и вызывают спецназ на уничтожение. И большие, кстати, силы подтягивают. А здесь силами одного взвода нам предстоит штурмовать дом, в котором засели семеро бандитов. Да еще и гражданские там наверняка есть. Может, женщины и дети. Это делает штурм более сложным. Кроме того, ночное время тоже накладывает свой отпечаток и создает дополнительные трудности. Да еще операция предстояла не спланированная заранее, а предусматривающая действия наобум. Конечно, приказа я не получал. Но существуют действия по получении приказа – и действия по обстоятельствам. Сейчас выпал как раз второй вариант. И я этим обстоятельством, честно говоря, был в глубине души даже доволен. И ребят обстрелять можно, и себя показать.

– Капитан, три бэтэра сможешь выделить?

– Я не могу. Не уполномочен, – зампотех снова прокашлялся, хотя в спортзале был без сигареты. Похоже, впрок накурился, на всю оставшуюся жизнь себе кашель обеспечил. – Дежурный, наверное, комбату уже дозвонился. Он после согласования может распорядиться. Прикажут – я отправлю. Без проблем. Машины в боевой готовности.

– Пока мы собираемся, сгоняй к дежурному, – попросил я. – Три бронетранспортера с полным боекомплектом. Только, естественно, со своими водителями и наводчиками. Хотя... Наводчика только одного дай. Вместо второго я сам сяду, вместо третьего своего сержанта посажу. Иначе мы все не поместимся.

– Ладно. Но водители только наши. Думаю, комбат против не будет.

– Согласен. Я тоже свою машину только жене доверяю...

Глава первая

Сборы по тревоге – задача, отработанная во взводе до автоматизма, поэтому никакой накладки не произошло. Мы уже ждали всем взводом около казармы, когда, наконец, появится зампотех. Со стороны автопарка уже слышались тяжелые звуки прогреваемых дизелей бронетранспортеров. Погрузка в боевые машины, как это обычно бывает, совершается около казарм, чтобы солдаты могли не тащить свои рюкзаки, а сразу забросить их в бронетранспортер.

– Все в порядке, старлей, – капитан затоптал очередную сигарету. – Комбат разрешил. Он, кстати, звонил коменданту города. Тот вообще еще не в курсе. Ничего о происшествии не слышал. Но ему менты не докладывают. Они сразу к нам обратились. Молодцы, оперативно сработали. Короче, сейчас подъедут три БТР: две «восьмидесятки», одна «восемьдесят-А»¹. Боекомплект полный, вплоть до дымовых гранат². Устроит такой расклад?

– Годится, – согласился я. – Спасибо...

– Подполковник Нажмутдинов ждет за воротами в своем «уазике». Поезжай за ним. Удачи...

Хотя ментовский подполковник и сказал, что дело происходит в пригородном поселке, ехали мы минут сорок. Впрочем, скорость устанавливал ментовский «уазик» с простреленным стеклом со стороны водительского сиденья. Должно быть, машина уже пострадала в бою. Может быть, и водитель пострадал, а его место занял один из омовцев, сопровождавших подполковника.

Я занял место наводчика орудия на БТР-80А и всю дорогу ехал с поднятым верхним люком. Все-таки я не мотострелок и не привык наблюдать окрестности через смотровые щели и приборы внешнего обзора. Там своя, специфическая привычка нужна. Я же предпочитал смотреть на происходящее вживую, и не только на том определенном участке, который виден в смотровую щель, а вообще на все вокруг.

Мы миновали город по окраинам, и потому, наверное, дорога мне показалась долгой. Потом какое-то время ехали по достаточно приличному асфальту, но недолго. Дорога вдруг разом превратилась в разбитую колею. Но амортизаторы и колеса³ бронетранспортера делали эти условия приемлемыми – по крайней мере в большей степени, чем для того же ментовского «уазика». Тот сбросил скорость, за ним вынужденно начали тормозить и бронетранспортеры. Но и эта разбитая дорога тянулась недолго. Через десять минут снова пошла ровная дорога, а потом показали огни поселка. Самого населенного пункта еще видно не было, но, как это обычно бывает, небо над ним расплылось в темноте светлым пятном. На въезде ментовский «уазик» затормозил и остановился перед первыми домами главной улицы. Мой бронетранспортер шел первым, я легко выбрался из люка и двинулся к Нажмутдинову.

– Почти приехали, – проинформировал меня подполковник. – До места четыре квартала. Дом находится рядом с поселковой площадью. На нее выходит кирпичный забор. Метра

¹ Две модификации БТР. БТР-80 имеет два спаренных пулемета, крупнокалиберный «КПВТ» (крупнокалиберный пулемет Владимиров танковый) калибра 14,5 мм, и пулемет «ПКТ» (пулемет Калашникова танковый) калибра 7,62 мм. В БТР-80А крупнокалиберный пулемет заменен на мощное автоматическое артиллерийское орудие калибра 30 мм 2А72 с боекомплектом в 300 снарядов. Орудие для БТР сделано на базе пушки 2А42, применяемой на вертолетах «Ка-50» («Черная акула»), «Ка-52» («Аллигатор»), «Ми-28» и «Ми-28Н» («Ночной охотник»). Такое вооружение БТР-80А делает его огневую мощь весьма впечатляющей.

² Бронетранспортер оснащен системой 902В, включающей в себя шесть гранатометов, смонтированных на задней стенке башни. Гранатометы в состоянии устроить полную дымовую завесу, скрывающую передвижение бронетехники и личного состава.

³ БТР имеет по четыре колеса с каждой стороны, что позволяет ему успешно преодолевать многие препятствия, ямы и окопы шириной до двух метров.

три, наверное, высотой. Не заглянешь. Ворота со стороны улицы, металлические, глухие. Давай-ка ко мне в машину, там свет есть. План посмотрим.

Он снова забрался на переднее сиденье, я заскочил на заднее, потеснив одного из омоновцев, и подумал, что ментовскому подполковнику с его габаритами следовало бы ездить на автобусе. Там ему легче поместиться, усаживаясь сразу на двух сиденьях. Он был не толстый, но очень широкий, причем что в плечах, что ниже спины – одинаково. Трудно жить в мире с такими размерами – хоть габаритные огни вывешивай вместо погон.

Водитель-омоновец включил в салоне свет, делая из нас вполне подходящую мишень для нескольких очередей. Уничтожить сразу всех, кто мог здесь командовать, кроме моего сержанта, – что может быть лучше для бандитов любого калибра! Но, видимо, менты лучше меня знали местную обстановку и потому не маскировались. Кроме того, присутствие трех бронетранспортеров могло охладить пыл самых безрассудных стрелков. Шахмардан Саламович в дополнение еще и фонарик включил, потому что салонный свет в «уазике» был отвратителен. В луче фонаря показался листок из школьной тетрадки в клетку, где от руки слева был нарисован план двора, а справа на двух рисунках – план дома. Первый и второй этажи.

– Там еще и подвал есть, – сказал подполковник. – Но его плана у нас нет. А этот – нарисовал сосед. Прямо здесь, на месте. Попросили, и он нарисовал с условием, что мы при штурме постараемся его дом не обстреливать. Их разделяет только забор – все тот же, кирпичный, трехметровый.

При его сильном акценте я с трудом понимал некоторые слова. Вроде бы человек при должности и чине, наверное, учился где-нибудь, мог бы по-русски и лучше разговаривать...

Откуда-то из глубины поселка донеслось несколько коротких и хлестких автоматных очередей. Я по звуку определил, что одновременно стреляли шесть стволов. Значит, огонь вели и менты, и бандиты одновременно. Плотный, должно быть, завязался бой, не позиционный. Или бандиты пытались прорваться, или менты, не дожидаясь нас, увидели какую-то возможность штурма. Но их остановили. Потом взорвалась граната. И опять я по звуку определил, что это «РГД-5». У «наступательной» гранаты осколки разлетаются недалеко, и потому заряд у нее не такой мощный, как у «Ф-1»; следовательно, и звук взрыва слабее.

– У ваших парней гранаты есть? – спросил я.

– Кто их знает, – пожал плечами подполковник. – Это же Кавказ. Здесь каждый держит собственный арсенал. А кто что с собой носит, я не проверяю. Главное, чтобы штатное табельное оружие было.

– А по штату вам гранаты полагаются?

Он ответил что-то невнятное. Кажется, забылся и ответил на своем языке. Но меня этот вопрос волновал мало. Я принял из рук подполковника план, перевернул, чтобы лучше его рассмотреть, и задал интересующий меня вопрос:

– Поселковая площадь где?

Шахмардан Саламович обвел пальцем круг рядом с забором.

– А памятник Ленину где? – спросил я.

– Ты здесь был? – спросил он подозрительно.

– Не был. Ни разу...

– А откуда про памятник знаешь?

– А разве бывают поселковые площади без памятника Ленину? – спросил я с наигран-ным удивлением.

– Не бывают, – согласился подполковник и ткнул пальцем в листок. – Здесь стоял.

– Убрали?

Вообще-то памятники Ленину без оснований убирают редко. Чаще сами жители их ломают. Руки отрывают или голову – и создают те самые необходимые основания для настоящего сноса. А позже изуродованное детище советского изуродованного искусства, естественно,

полностью сносят, чтобы пейзаж своим уродством не портило. Не восстанавливают практически никогда.

- Его Пехлеван взорвал. Слышал про Пехлевана?
- Доводилось. Имя в сводках встречал. Он что, в самом деле известный борец? ⁴
- В сборную Союза когда-то входил. Говорят, он в шести поселках памятники Ленину взорвал. Один даже во время парада в какой-то праздник. Вместе с районным начальством, что под памятником стояло.

Про этот случай я слышал еще в прошлую командировку в Дагестан. Тогда парад в поселке устроили районные менты и подразделение внутренних войск. Погибла куча народа. Многие из районного начальства, в том числе полицейского, командования части внутренних войск и даже участников парада были ранены.

- Он что, тонну взрывчатки под памятник заложил?
- У Пехлевана, говорят, какая-то индийская взрывчатка есть. Самая мощная после атомной бомбы. С ней и работает.
- «CL-20»? ⁵ Где он ее достал?
- У него спроси, – отмахнулся подполковник.
- Площадь большая?
- В поселках больших площадей не бывает. Что тебе от размеров площади? Парад проводить хочешь? Тогда Пехлевана предупреди.

– Я хочу дать залп из гранатометов дымовыми шашками. Сделаем дымовую завесу. Расстояние небольшое, придется стрелять навесом. Из ручного гранатомета будут стрелять мои парни, а с башенного пусть специалист работает. Я взял с собой одного наводчика, пусть попробует.

- Зачем тебе дымовая завеса? – не понял подполковник.
- Хочу БТР пробить ворота.
- А завеса?
- А если у бандитов гранатомет? Жахнут из «семерки» ⁶ – никому мало не покажется. И БТР подожгут, и людей перебьют.
- Ладно. Нам что делать?
- Ждать. Мы закончим, я позову.

Подполковник удовлетворенно ухмыльнулся. Он на это и надеялся...

* * *

Говоря честно, операция показалась мне не слишком сложной. И главным образом потому, что проводил я ее быстро и решительно. Первый бронетранспортер сразу проехал на площадь, аж на другой ее конец. Автоматная очередь ему в боковую броню все же ударила, но защита у БТР стойкая. Автоматные пули легко держит даже боковая броня. А лобовая выдер-

⁴ Пехлеван (*туркск.*) – богатырь, борец.

⁵ Синтезированное индийскими учеными Организации оборонных исследований и разработок (DRDO) взрывчатое вещество в пятнадцать раз мощнее октогена, который, в свою очередь, в четыре раза мощнее гексогена. Главным недостатком «CL-20» является его дороговизна: 1 кг стоит 70 тысяч рупий (1,53 тыс. долларов), тогда как килограмм октогена стоит 6 тысяч рупий, а килограмм гексогена – всего 750 рупий. По неофициальным данным, на Северном Кавказе террористами препарат «CL-20» уже использовался дважды.

⁶ «Семерка» – «РПГ-7», ручной противотанковый гранатомет. Российская промышленность выпускает для него только бронебойные гранаты, но гранатомет «РПГ-7» состоит на вооружении многих стран мира, и там выпускаются к нему и осколочные гранаты для поражения живой силы. Считается очень мощным оружием. Во время штурма Багдада американские войска ввели в город свои новейшие танки «Абрахамс», уверяя, что эти танки можно поразить только ракетой, а в городе использование ракет невозможно. Но иракцы в первый же день штурма, используя «РПГ-7», сожгли четырнадцать этих раз-рекламированных супердорогих танков.

живает пули калибра 12,7 миллиметра от крупнокалиберных пулеметов и дальнобойных снайперских винтовок. Выезжали мы без огней и без огневой поддержки со стороны ментов. Подполковник по моей просьбе дал задание своим парням отогнать местных жителей, что толпами стояли в пределах квартала, не понимая, что происходит. Дымовую завесу должен был поставить штатный наводчик, выделенный нам в мотострелковом батальоне вместе с машиной. Я не рискнул сам посылать гранаты с башенных гранатометов. Справиться-то, наверное, и я бы справился, но вот точность обеспечить не мог, потому что не имел практики. Да и зачем самому браться, если в составе группы есть профессионал!

Я с двумя другими бронетранспортерами остановился за углом перед выездом на площадь с соседней улицы. Сразу отдал распоряжение о подготовке к бою. Против моего плана попробовал было возразить механик-водитель, но я отменил его возражения только одним взглядом. Младший сержант понял, что он, пусть и не служит в моем взводе, все же передан в мое подчинение и должен отвечать за то, чтобы в точности исполнять мои приказания. Механик-водитель не хотел, как он сказал, калечить свою машину тараном ворот. Но я такие возражения в боевой обстановке не принимаю в принципе.

Операция, к счастью, сразу пошла именно так, как и планировалось. Наводчик с головной машины действительно оказался толковым парнем, и одновременный залп из всех шести гранатометов положил дымовые гранаты точно в нужный двор. Я видел это, стоя на башне своего БТР. Мне осталось только запрыгнуть в башню. Я даже люк закрывать не стал и отдал команду:

– Вперед!

Сложность состояла в том, что ворота двора выходили не на площадь, где можно было бы разогнаться, а на не слишком широкую улицу. Механик-водитель разогнался по пути, но перед поворотом к воротам ему пришлось притормозить. Однако я, заняв место наводчика, уже опустил ствол автоматической пушки на нужный уровень и, едва БТР развернулся для тарана, открыл стрельбу прямо по центру ворот, где сходились створки и где должен был, по моему мнению, находиться запор. Ворота разлетелись в клочья еще до того, как бронетранспортер столкнулся с ними. Выбивать их ему даже не пришлось, и разгон здесь был не нужен.

Двор заполнен дымом, видимость максимум четыре метра. Света не было ни в доме, ни во дворе. Фонарь, который светил с улицы, сюда не добивал. Два человека, раненые, корчились чуть в стороне от ворот. Я с трудом их рассмотрел, спрыгнув на тротуарную плитку. Видимо, выстрелы из пушки достали их сквозь не слишком толстый металл, из которого были сделаны ворота.

Откуда-то из дома боевики вели огонь из двух автоматов. Пули били в броню БТР, рикошетили и кувыркались. Одна пуля все же вскользь задела мой бронезильтет и тоже срикошетила. Удар был чувствительным, но я на это не обратил внимания. Тем более что пуля была явно шальная.

Десантировались мы без задержки, через задние распашные люки и боковую дверь справа, чтобы БТР прикрывал бойцов своей броней от автоматных очередей, и сразу бросились к дому. Бойцы из моего БТР побежали к крыльцу. Бойцы из второго рассыпались цепью, чтобы блокировать попытку бандитов уйти через окна в сторону соседних дворов, хотя перебраться через высокий забор было чрезвычайно трудно. А третья подоспевшая машина блокировала дом с противоположной стороны.

Дверь в доме была, естественно, металлическая, и, чтобы выбить ее, пришлось сделать два выстрела из «подствольников». Стреляли солдаты, я свой выстрел приберег для штурма дома. И опять металл двери не смог защитить тех, кто за ней стоял. В коридоре валялись два трупа, о которые мы споткнулись. Значит, бандитов осталось только трое. Я первым двинулся по коридору, хорошо помня, что местные бандиты предпочитают не сдаваться. И сразу среагировал – даже в темноте – на движение за углом, дав очередь. В человека я, кажется, не попал, но что-то тяжелое стукнулось о пол. Это выпало оружие, выбитое из рук пулей.

– Глаза! – дал я команду, которую солдаты хорошо знали.

И, зажмурившись сам, бросил за угол световую гранату. Даже через положенные пять секунд смотреть глазам за угол было больно. Что же испытывали те, кто там прятался и не догадался зажмуриться? Вслед за световой я послал за угол и простую «РГД-5», мысленно моля бога о том, чтобы на первом этаже не было женщин и детей. Гулко грохнул взрыв, со стен и с потолка посыпалась штукатурка, а я, заглянув за угол, где еще догорала световая граната, освещающая большую комнату, сказал уже вслух:

– Слава тебе, Господи!

В комнате было только три трупа мужчин. Это были последние защитники дома.

Операция завершилась. Я нашел глазами выключатель, щелкнул им и приказал:

– Выходим. Ментов зовите...

* * *

– Семь трупов, товарищ подполковник, как заказывали, – доложил я Нажмутдинову. – Наша задача выполнена. Приступайте к своей.

– Благодарю за службу, старлей. Я этой услуги не забуду...

– Мы старались...

– Потерь нет?

– Трое легко ранены. По касательной. Одному пуля после рикошета в лицо попала. Нос, кажется, сломан.

– Это все терпимо. У меня потери серьезнее...

Я снова пожал ему руку. От всей души. На сей раз подполковник все же поморщился, и я почувствовал, что он постарался побыстрее вытащить свою кисть из моей.

Моя машина покидала двор последней. Уже за воротами, перед поворотом на улицу, я оглянулся. Из дверей двое ментов и два омоновца на широких ремнях – кажется, на буксировочных автомобильных – вытаскивали тяжелый сейф. Видимо, намеревались доставить его в ограбленный магазин. Менты надрывались, но у меня не возникло желания послать солдат в помощь...

* * *

Взвод я отправил отсыпаться, пообещав, что после боевого крещения разрешу солдатам два лишних часа сна, а сам на дежурной машине батальона повез раненых и уже перевязанных солдат в гарнизонный госпиталь. Не сам, естественно, повез, а с водителем. В госпитале медсестры сняли наши наспех сделанные перевязки, обработали раны и, не настаивая, предложили солдатам перебраться в палаты. Согласился только один, которому рикошетом пули сломало нос. Двое других предпочли «отдых при части». Это мне понравилось. Сам я с такими ранениями, а их у меня было четыре, в госпитале не лежал ни разу.

Мы вернулись в батальон. Дежурный встретил машину у ворот и сделал мне знак рукой:

– Зайди, старлей...

Я отправил солдат в казарму, а сам зашел в каморку дежурного, который жестом выслал за дверь своего помощника-сержанта. Взгляд капитана не обещал ничего хорошего, слова – тоже.

– Влипли мы с тобой, товарищ старший лейтенант...

Я посмотрел под ноги.

– Вроде бы никуда не вступал...

Однако, несмотря на прекрасное настроение, вызванное успешно проведенной операцией, слова дежурного капитана не могли меня не насторожить, поскольку от природы я человек не легкомысленный, хотя внешне стараюсь показать себя именно с этой стороны.

– Ты у этого ментовского подполковника документы смотрел? – спросил капитан.

– Нет.

– И я тоже не смотрел. А надо было бы... Ты его хотя бы знаешь?

– Это ты его ко мне прислал, тогда мы и познакомились.

– Еще не легче. Ну, он парень наглый... А хладнокровия-то сколько. Позавидуешь!

– Объясни толком.

– Сейчас менты из горотдела приедут, они объяснят. И следак из следственного комитета. И наш комбат вот-вот прибудет. Будем разбираться. Эх, а мне уже представление на майора написали... Теперь все накрылось.

– Что случилось-то, объясни толком, капитан.

– Толком сам не знаю. Мне в общих чертах рассказали. Директор ювелирного магазина закупил большую партию драгоценностей. В магазин привезти не успел – у него там канализацию прорвало. С чьей-то, говорят, помощью аварию устроили. И директор отправил драгоценности в свой дом, где у него был надежный сейф. Взял с собой дополнительную охрану. Обычно у него там только два охранника дежурят. В этот раз еще четверых захватил. Около дома их обстреляли, как им показалось, менты. По крайней мере, из ментовской машины. Но они успели заехать во двор. Сейчас выяснилось, что машина незадолго до нападения на ювелира была захвачена бандитами, двое ментов убиты. Организатору нападения не хватало сил для штурма дома. Его подкрепление блокировали в лесу, но он решил не отказываться от задуманного и поехал к нам. И нашими руками... твоими, старлей, руками все дело обстряпал. Как тебе это нравится?

Я широко улыбнулся.

– Ловкий мужик этот Нажмутдинов.

– Он так и назвался?

– Да. Нажмутдинов Шахмардан Саламович, подполковник полиции, начальник отдела вневедомственной охраны района.

– Вот нахал! И даже этого не постеснялся...

– Чего? – не понял я.

– Ты знаешь, кто такой Нажмутдинов Шахмардан Саламович?

– Не знаю. Кто?

– Это настоящее имя, отчество и фамилия командира банды Пехлевана.

– Да, на борца он очень похож, – согласился я. – Но у меня рука все равно сильнее, чем у него. Я ему на прощание чуть кисть не раздавил.

– Рука, говоришь, сильнее? – У капитана вдруг загорелись глаза, и он каким-то невероятным прыжком от окна сразу сел за стол. И даже стул вроде бы к столу сам по себе придвинулся. – А ну, садись напротив, ставь-ка локоть. Меня еще ни разу в жизни никто на руках не поборол...

Я с улыбкой сел. Не отказываться же от дуэли, когда тебя вызывают. Рука у капитана оказалась действительно очень сильная. Длинный рычаг и крепкие связки. Просто так прижать его руку к столу я не смог бы, наверное. Но у меня была сильнее хватка. Я с такой силой сжал его кисть, что он сам уронил собственную руку и разжал пальцы.

– Вот чем они тут занимаются в такой обстановке... – В каморку дежурного вошел комбат мотострелкового батальона. – Пацанье...

* * *

Уснуть мне в эту ночь так и не дали. Приехали менты из городского отдела, долго не допрашивали, а просто расспрашивали о том, что произошло. Потом какой-то ментовский полковник прилетел на вертолете аж из Махачкалы, а вместе с ним старший следователь республиканского следственного комитета, тоже полковник с интересной фамилией Барбосов. Он больше всего и донимал меня расспросами, которые оказались уже форменным допросом с составлением протокола. Причем протокол писал не сам полковник Барбосов, а какой-то мент из местных, плохо владевший русским языком. Писал он медленно, с сокращениями. Я перед тем, как подписать протокол, попытался прочесть его, но не сумел. А раз не сумел, то и подписывать, естественно, отказался. Как ни странно, Барбосов на меня не залаял, сам попытался прочитать – и с таким же, как я, успехом. Хорошо, что запись допроса велась на диктофон. Барбосов распорядился, чтобы мент переписал протокол с использованием диктофона, без сокращений. В ответ мент посмотрел на меня взглядом лютого голодного тигра. Не окажись Барбосова рядом, он наверняка зарычал бы. К утру приехал еще один следователь, уже из военного следственного управления, и все началось сначала. Я не очень понимал, как можно вести параллельно два следствия, но проявлял истинное спецназовское терпение и подробно отвечал на все вопросы, надеясь, что канитель на этом закончится.

Однако под утро стало ясно, что все это только начало. Начало следствия, долгого и нудного, затянувшегося на полгода. Я понял это только тогда, когда зашел мент и доложил старшему следователю по особо важным делам Барбосову, что спецмашина прибыла.

– Везите, – со вздохом сказал Барбосов, и мент вытащил из-за своей спины наручники.

До этого момента я думал, что останусь со своим взводом и все ограничится частыми допросами. Но не тут-то было...

* * *

Вообще-то чувство вины мне свойственно, и вину свою я признавать умею. Но есть в моем характере и иное качество – что, конечно, не слишком хорошо: мне обычно бывает трудно каяться по-настоящему. И вину я обычно признаю лишь в глубине души. Человек я крещеный, и крест нательный ношу всегда, хотя назвать себя воцерковленным не рискну. И при этом знаю, что как христианин я должен уметь каяться. Но это у меня никак не получается. Да, я бываю виноват; да, признаю это. Но прийти к покаянию мне бывает трудно. И бороться с этой чертой характера тоже трудно, если вообще возможно, потому что это врожденная черта характера. Да еще и усиленная службой в спецназе ГРУ, в войсках, постоянно находящихся в экстремальной ситуации. Здесь не до сентиментализма. Здесь служба жесткая, а порой и жестокая. И от бойцов требует жесткости даже в отношении к своим сослуживцам, как к солдатам, так и к офицерам. Я человек жесткий и потому к покаянию не склонный, иначе мне вообще невозможно было бы выжить на такой непростой службе.

А вот чувствовал ли я себя преступником после всей этой истории, когда меня вместе с находящимся под моим командованием взводом вовлекли в ограбление дома владельца ювелирного магазина? Об этом у меня старший следователь по особо важным делам Виталий Станиславович Барбосов спрашивал во время каждого допроса. Иногда в самом начале, словно бы давая настрой на весь допрос целиком; иногда в середине, чтобы направить разговор в нужное ему русло. Но чаще – в конце, чтобы заставить меня задуматься и подготовиться к следующему допросу. Виталий Станиславович был тонким психологом и видел меня таким, каким я обычно преподносил себя внешне, – легким человеком, с которым можно найти общий язык. Он воспринимал меня именно так, не понимая, что манера поведения и внутреннее состояние

– это принципиально разные вещи у того, кто умеет владеть собой. Манера поведения меняется в зависимости от ситуации, а внутреннее состояние не меняется никогда, если только не научишься каяться по-настоящему. Я этого не умел.

Дело мое в основном вел именно Виталий Станиславович. Сначала два ведомства, которые представляли военный старший следователь по особо важным делам полковник Ласкин и гражданский старший следователь по особо важным делам полковник Барбосов, никак не могли поделить полномочия: кому же из них вести дело? По многим показателям дело проходило как уголовное преступление, настаивал Барбосов. И то, что совершил его военный человек, ничего не решает. Тем более что пострадавшие – люди сугубо гражданские. На этом, видимо, настаивало руководство Барбосова, памятуя, что военные суды, как правило, более лояльны по отношению к людям военным. Всем было памятно дело полковника Буданова, где тоже шла такая же неразбериха с разделением полномочий. Я в тонкости не вникал, но что-то там в законах, как я понял, недоработано и дает возможность для двойного трактования определенных параграфов. Ласкин, между прочим, был настроен ко мне отнюдь не доброжелательно. Правда, на психику не давил и предпочитал пространным беседам, к которым имел склонность Барбосов, сухие юридические формулировки.

И только спустя две недели после начала следствия я начал понимать, куда Барбосов меня подводил. Если раньше у него только изредка проскальзывали вопросы о моем знакомстве с Пехлеваном, то позже он говорил об этом знакомстве как о признанном мною факте, не подлежащем сомнению. Спокойно и мягко, ни к чему не принуждая, он внушал мне, что мы с Пехлеваном давно знакомы.

Ласкин тоже свои допросы не прерывал, но проводил их значительно реже. И вообще никак не давил на меня, только на последних допросах порой смотрел совсем мне непонятым взглядом, словно бы с любопытством.

Барбосов после каждого моего общения с Ласкиным обязательно спрашивал, что я тому рассказал. Я в ответ лишь пожимал плечами и говорил, что только отвечал на вопросы. А потом Виталий Станиславович сделал сообщение:

– У нас ты имеешь право потребовать рассмотрения дела судом присяжных. А присяжных всегда можно убедить, что тебя просто обманули и злого умысла ты в голове не держал. Нам никак не удастся доказать твою корысть в этом деле, и потому откровенного мотива в твоих действиях следствие определить не в состоянии. Можно только предположить: ты договорился с Пехлеваном, что твоя доля будет отложена и ты получишь ее после освобождения, если тебя, конечно, посадят. Но присяжные имеют возможность оправдать тебя, и тогда нам придется переквалифицировать обвинение. Что-то ты все равно получишь, но это будет не так много.

– А у меня есть возможность выбирать между следственными комитетами? – спросил я с любопытством.

– Боюсь, что тебе такую возможность предоставят. Из Москвы сильное давление. Они не хотят передавать тебя гражданскому суду. Все-таки суд присяжных – это слишком скользкое дело.

Я только плечами пожал, ничего не пообещав старшему следователю Барбосову. Слишком уж ласково он говорил – совсем не соответствуя своей фамилии. Как, впрочем, и полковник Ласкин не соответствовал своей. Последний в завершение последнего допроса, уже выключив диктофон, сказал мне очень серьезно и с каким-то явным намеком, мне не понятным:

– Тут к тебе один товарищ на свидание просится. Серьезный товарищ. Я не могу ему отказать. И тебе не советую.

– Кто такой? – спросил я.

– Говорю же, серьезный человек...

Следователь не смотрел мне глаза, но с большим интересом разглядывал большой золотой перстень на своем пальце. По углам шлифованной платформы с монограммой поблескивали в свете настольной лампы четыре небольших бриллианта. Мужчины не носят перстни с большими бриллиантами...

* * *

– Самоваров! На выход! – прозвучало с сильным акцентом, который скрадывал привычную грубость принятой здесь командной речи.

Мой сосед по камере, за неделю до моего появления занявший нижнюю шконку, подтолкнул меня локтем. Я сидел от него справа и дремал в ожидании обеда. Слышал, как в замке поворачивается ключ, слышал, как открывается дверь, но умышленно не реагировал. Сокамерник мой, старик семидесяти двух лет, топором зарубил своего молодого соседа, сказавшего ему что-то обидное. И с гордостью рассказывал, что убитый был ростом под два метра, здоровенный, как гусеничный трактор, и потому наглый. Я его рассказы выслушивал всегда внимательно, даже иногда задавал вопросы, чем заслужил соседское ответное уважение. По крайней мере, на общих прогулках, не зная местного языка, я слышал и чувствовал, когда сосед говорит обо мне. И говорит хорошо. И то слава богу. Обострять отношения я ни с кем не хотел. Мне одной беды хватило, и не было желания наживать себе новые проблемы. Тем более что население в СИЗО было в основном местное, ко мне и к моим погонам относиться с пиететом у сидельцев оснований не было. На прогулке среди других заключенных мелькал только один немолодой русский, весь в татуировках, мрачный и, как мне показалось, вообще языка не имеющий. За все время я от него не слышал ни единого слова. Был еще неизвестно как попавший на Кавказ китаец по фамилии Сунь, которого все в СИЗО звали Сунь-Вынь. Китаец и по-русски-то разговаривал с трудом, а уж местных языков тем более не знал. Все остальные, включая вертухаев, были из местных.

Я неторопливо встал, только что не потянулся. На вызов следовало реагировать.

– Допрос?

– Свиданка... Поторопись, а то передумаю.

Вертухай был, в общем-то, не самым плохим парнем. По крайней мере, не откровенно злым, хотя и имел зверскую, изуродованную шрамами рожу. Портить с ним отношения не хотелось. Да и интересно стало, кто пришел ко мне на свидание в СИЗО? До этого визитеров не было. И вообще, что за серьезный человек желает со мной пообщаться? Действительно серьезные люди ради любопытства сюда не заявятся. Значит, следует ждать каких-то неожиданных.

Два конвоира провели меня по гулкой металлической лестнице на два этажа ниже и открыли дверь. В камере для свиданий был только привинченный к полу стол и точно так же закрепленные две табуретки по разные стороны. Из чего я сделал вывод, что это вообще-то кабинет для допросов, а не нормальная комната для свиданий, в которую к заключенным приходят даже жены.

На одном табурете сидел, уперев локти в столешницу, человек в гражданской одежде. Каким-то чутьем я сразу понял, что это военный, и даже догадался, что такой визит не может носить простой мимолеетный характер, а обязательно будет иметь некое продолжение. Впрочем, это я и раньше предполагал, еще до того, как воочию увидел визитера. И даже голос следователя Ласкина говорил мне о том же не словами, но интонацией.

Я шагнул за порог. Дверь за мной закрылась. Ключ со скрипом провернулся в замке.

– Старший лейтенант Самоваров, – представился я, привычно приняв стойку «смирно».

– Подполковник Лагун, – поднявшись из-за стола, сказал человек, пригласивший меня на встречу. – Будем знакомы, Николай Викторович.

Он улыбнулся приветливо, даже с некоторым обаянием, но оглядел меня с ног до головы ледяным профессиональным взглядом гюрзы. Подобные люди без весомой, как глубинная бомба, причины на свидания к подозреваемым не напрашиваются, сразу понял я. По одному взгляду его понял. И также понял, что гость приехал издалека. Прилетел, скорее всего, на военном самолете.

– Слушаю вас, товарищ подполковник.

– Садись. Забудь на время устав и почувствуй себя расслабленно. Мы не по уставу, а по душам поговорим. Если ты, конечно, не возражаешь. А возразить можешь только по одной причине: ты решил вдруг переквалифицироваться и вместо военной карьеры сделать карьеру уголовную, то есть стать авторитетом. Но я надеюсь, что это не так и что тебе не слишком улыбается перспектива провести большую часть жизни за решеткой. Так что? Уголовной романтикой ты пока еще не пропитался?

– Никак нет, товарищ подполковник.

– Забудь про звания и про устав, прошу тебя, Самоваров. Обрати внимание, я тебя даже не старлеем называю, а по фамилии. Могу и по имени-отчеству. Меня, кстати, зовут Александром Игоревичем. Можешь так и обращаться. И сейчас, и потом, если мы с тобой договоримся. Тебе вообще будет запрещено вспоминать про устав. На долгие, надеюсь, годы будет запрещено носить форму, хотя звания у тебя будут повышаться, скорее всего, быстрее, нежели на прежней службе...

Говоря честно, я не большой любитель ребусов. И потому спросил сразу:

– О чем договоримся, Александр Игоревич? Пока вы мне никакого предложения не сделали. Хотя я понимаю, что предстоящее предложение для меня должно быть выгодно. Что может быть хуже тюремной камеры, я пока не знаю. Даже госпиталь после тяжелого ранения, наверное, лучше. Хотя тут я тоже ничего конкретного знать не могу, поскольку тяжелых ранений не имел. Но вы меня, признаюсь, обнадеживаете.

Я старательно демонстрировал, что его визитом не смущен нисколько, и собой, и своими чувствами, и своими мыслями владею полностью и даже могу себе позволить интонацию с легкой ноткой шутливости.

– Ты, я вижу, человек догадливый. И даже не спрашиваешь меня, кого я представляю.

– Я думаю, у меня еще будет такая возможность, – не купился я на комплимент.

– Возможность спросить будет. А возможности получить точный ответ – нет. Не рассчитывай. По крайней мере, в первое время. Одно могу сказать, что я представляю государственную структуру. Не каких-нибудь бандитов или частную лавочку с немереными деньгами и чрезмерными амбициями, а серьезную государственную структуру.

– Мне остается только поверить.

– Да. Больше тебе ничего не остается.

– И еще спросить более конкретно, что именно вы мне предлагаете?

– Работу.

– Здесь, в СИЗО? – Я понимал, что работу здесь мне предложить не могут. В СИЗО и без меня хватает своих информаторов, а я в республиканском СИЗО человек абсолютно чужой и не могу стать источником информации. Да и информатор из меня никакой.

– Везде. Может быть, даже и в СИЗО поработать придется.

Подполковник Лагун замолчал, давая мне возможность подумать. И пауза затянулась. Для меня это было невыносимо.

– Я слушаю вас, слушаю, – невежливо поторопил я.

– Ты своего двоюродного брата Василия хорошо помнишь?

– Ваську? Лет пятнадцать уже не виделись. С тех пор, как я в последний раз в Москву ездил. С ним общаться трудно. Телефон у него давно отключили за неуплату, Интернетом он не владеет. Письма писать, наверное, уже разучился. Короче говоря, ничего о нем не знаю.

Мой двоюродный брат Вася, сын сестры моей покойной мамы, был человеком несчастным. Отца своего он никогда не знал, точно так же, как и я своего отца, и мать заменяла ему весь мир, ни на шаг от себя не отпуская, чтобы не попал в дурную компанию дворовых мальчишек. Ваське исполнилось двенадцать лет, когда при нем умерла его мама. Скоропостижно, от сердечного приступа. И он, не найдя ключей от двери квартиры, десять суток сидел рядом с телом, которое уже начало разлагаться. После этого случая Васька попал в «психушку» и с тех пор минимум месяц ежегодно там проводил. В остальное время иногда работал, где его возьмут, но больше пил.

– Вы с ним внешне были сильно похожи...

– Были похожи. Лицом. Роста одинакового. Но здоровье разное, тело разное. Васька спортом никогда не занимался, хиляком был. А что? Какое он имеет отношение к моему положению?

Подполковник Лагун посмотрел в пол и вздохнул.

– Позавчера твой двоюродный брат пьяным выскочил на дорогу и был сбит машиной. Насмерть. Прими соболезнования.

Я усилием воли протолкнул образовавшийся в горле ком, потому что кое-что начал понимать. Кое-что из того, что мне скажут в дальнейшем. Дело в том, что старший следователь по особо важным делам полковник Ласкин сообщил мне о предстоящем свидании уже три дня назад. Значит, о гибели двоюродного брата подполковник Лагун знать еще не мог. И если его предложение, до сих пор не озвученное, будет в какой-то степени опираться на гибель Васьки, это будет означать, что Ваську просто убили, чтобы использовать его смерть в своих интересах. Как использовать, я пока предположить не мог, как не мог и догадаться, что за службу мне предложат. Но делалось это только для того, чтобы использовать мои качества и навыки.

– И что? – спросил я настороженно.

– Мы готовили тебе побег, если бы ты согласился на сотрудничество. А тут этот случай, которым грех не воспользоваться. Понимаешь, о чем я говорю?

Эх, Васька, Васька... Беда свалила тебя подростком, она же свалила тебя в молодости, теперь уже настолько, что не подняться никогда. И даже своей гибелью ты не смог ни подтвердить, ни опровергнуть мои опасения. Может быть, тебя убили. Может быть, это и вправду несчастный случай...

– Кое-что понимаю, – сказал я. – Но далеко не все. Кто Ваську сбил? Известно?

– Да. Пьяная женщина. Сейчас она в розыске. Скрылась с места происшествия. Но свидетелей много. Она вышла из машины, откровенно пошатываясь, посмотрела и поехала дальше. Машину потом бросила. И в тот же день улетела за границу. Буквально через несколько часов. Само происшествие сняла охранная видекамера на соседнем здании. Так что вопрос ясен.

Мне этот вопрос был совсем не ясен. Как такие дела делаются, я знаю прекрасно. И то, что женщина сразу после происшествия улетела за границу, только усилило мои подозрения. Но говорить об этом вслух я не стал.

– Так что вы мне предлагаете? – Чтобы не показать своего смущения, я перевел разговор ближе к действительности.

– Я предлагаю Николаю Викторовичу Самоварову, пока еще старшему лейтенанту спецназа ГРУ, погибнуть при попытке к бегству.

– Звучит красиво, – согласился я. – И в дальнейшем, если я правильно вас понял, я должен трансформироваться в психически больного человека, своего двоюродного брата Василия Андреевича Самоварова. Так?

– Именно так. Я даже не делаю вам комплимент о вашей чрезвычайной догадливости, поскольку здесь не нужно быть провидцем. Вариант напрашивался сам собой.

Подполковник разговаривал, переходя с «ты» на «вы» и обратно. Но, кажется, этого не замечал. Да я и сам просто машинально отмечал его путаницу, не больше.

– А как это сделать технически? У меня есть несколько вариантов, созревших, грубо говоря, на волне вашей подсказки, но все варианты требуют действий извне. Тех действий, которые вы, вероятно, готовы произвести.

– Естественно, готовы, – согласился подполковник.

В замке вдруг вопросительными нотами заскрипел ключ. Дверь открылась, и в комнату заглянул один из конвойных. Он сначала внимательно осмотрел кабинет и только потом взглянул на нас.

– Чего тебе? – спросил подполковник.

– Скоро, что ли? У заключенных обед остывает.

– Тебе не ясны инструкции, которые тебе дали? – агрессивно спросил Лагун. – Если ты такой непонятливый, то завтра же будешь искать себе работу, где понятливость не требуется. Закрой дверь с той стороны и близко к двери не подходи, пока я не позову! Иначе завтра уже пойдешь устраиваться дворником.

Вертухай не слишком-то и испугался, нагло хмыкнул, но дверь все же закрыл.

* * *

Приход вертухая сбил уже наладившийся ритм разговора, и нам пришлось минуту сосредоточенно помолчать, чтобы снова настроиться на прежнюю волну.

– Естественно, мы имеем большие возможности и готовы взять на себя всю организационную работу по экстренной подготовке побега, – сказал Александр Игоревич. – Хотя, признаюсь, трудно выбирать варианты, когда не знаешь, на что человек готов пойти ради свободы. Всегда может возникнуть ситуация, когда оперативники просчитывают один вариант, а исполнитель в силу своих черт характера этот вариант реализовать не может. Поэтому план нам предстоит скоординировать или, по крайней мере, согласовать на принципиальном уровне. На всякий случай отдельные моменты можно и продублировать.

– Наверное, так... – осторожно согласился я, не понимая еще, в какую сторону плавно поворачивает свои сани мой собеседник, и потому решил подстраховаться. – Если бы мне предложили какие-то условия, дали каких-то людей, которые готовы подстраховать, я бы все сделал сам. Все, начиная с первых шагов по подготовке побега.

– Едва ли получится, – подполковник не пожелал выпускать нить управления из своих рук. – Я понимаю, что у спецназа ГРУ свои собственные поведенческие модели, к которым мы не привыкли. Но если мы решаем брать человека к себе на службу, то предпочитаем, чтобы он играл по нашим правилам.

Из всего сказанного я сделал вывод, что подполковник Лагун вообще не из ГРУ, хотя первоначально у меня появилась именно эта мысль. Я предположил, что он представляет агентурное управление. Но офицер ГРУ в любом случае не сказал бы «спецназ ГРУ». Он сказал бы просто «спецназ», и это было бы понятно. Конечно, в нашем большом государстве с его неизменно раздутым чиновничьим аппаратом есть множество силовых структур, о которых я, возможно, никогда раньше и не слышал. Но мысль остаться служить все же в системе ГРУ, очень мной уважаемой системе, пусть и не в спецназе, как-то грела душу. Однако своего разочарования я никак не показал. Хотя обязательный вопрос задать все же был вынужден:

– А вам, Александр Игоревич, не кажется странной ситуация, что мы обсуждаем старт, не зная, где финиш? Сбежать хоть из СИЗО, хоть с пересылки, хоть с маршрута, хоть из зоны я все равно сумею. С чужой помощью или без нее, но сумею, и даже проблемы в этом особой не вижу. Как только надоест сидеть, или кто-то сильно достанет, или просто захочу чаю горячего попить, а не то пойло, которое здесь называют чаем, – соберу вещи и сбегу.

– Не надо геройствовать, Николай Викторович. За вами здесь присматривают, и все ваши конвоиры не просто так приставлены. От вас уже ждут попытки к побегу, и потому на каждом шагу вас ждет неприятность. Непредвиденное препятствие, которое вы по незнанию о его существовании обойти не сможете.

– За что такая честь? Чем я заслужил повышенное внимание со стороны правоохранительных органов?

– Благодарите Пехлевана.

– Я с удовольствием при встрече его отблагодарю и вместо себя в свою камеру закрою. А сам сбегу. И никто меня остановить не сможет.

– Это бахвальство. Как разговоры о побеге без помощи со стороны, так и разговоры о Пехлеване в вашей камере. Мы серьезные люди, и давайте обойдемся без авантюр.

Вообще-то он прав, подумал я. Но лишь частично. Если бы я собирался убежать, я бы уже убежал, конечно. Но никогда бы не стал об этом ни с кем открыто говорить. Просто убежал бы, и все. Без всякого бахвальства.

– Ну хорошо. Уговорили. Мой порыв вам чем-то не нравится, хотя я не понимаю чем. Только догадываюсь... Ладно, Александр Игоревич, оставим это на вашей совести. Предположим, я убегу с вашей помощью. Убегу, а потом мы с вами встретимся. И что тогда вы мне предложите? Где финиш-то? Я как-то привык знать дистанцию, которую мне предстоит преодолеть, чтобы четко рассчитать скорость и правильно распределить силы. Спринтерский забег с марафоном имеют различную тактику. И с этим стоит определиться заранее.

– Мы предложим вам работать на нас.

– Это я уже понял. Не понял только, в качестве кого.

Подполковник Лагун выдержал долгую паузу, глядя при этом мне в глаза, подчеркивая тем самым важность слов, которые он собирался мне сказать. И я заранее, не слыша еще самих слов, понял, что какое бы предложение ни последовало, мне не следует демонстрировать свою реакцию. По крайней мере, настоящую реакцию.

– В качестве офицера-ликвидатора. Но, предупреждаю, не сразу. Изначально вы будете в течение года проходить испытательный срок на другой службе. Потом перейдете в свой сектор. Работа, в принципе, не самая плохая. Знаете, что это такое?

– Знаю. Вы предлагаете мне стать киллером.

– Государственный киллер не является киллером в общепринятом смысле этого слова, – выдал Лагун не слишком тонкую сентенцию, хотя и звучала она достаточно торжественно. – Война идет не только в здешних горах. Она идет во многих местах. И такие специалисты, как вы, очень нужны для успешного ведения этой войны. Хотя не могу здесь не оговориться. Вам не всегда предстоит работать в полной «автономке». Это слово, надеюсь, вам объяснять тоже не нужно?

– Не нужно, – согласился я, прекрасно зная, что при работе в автономном режиме, если я вдруг провалюсь, от меня откажутся; возможно даже, что тогда я сам стану объектом ликвидации. – Мне другое нужно объяснить. Откуда у вас уверенность, что я соглашусь? Следаки моего большого срока мне не обещают. Они бы обещали, но доказать, что я действовал вместе с Пехлеваном, не могут, и потому я могу предстать перед судом только как объект обмана. Отсижу немного в самом худшем случае – и выйду. Стану гражданским специалистом. Не киллером, а кем-нибудь другим. Возраст позволяет мне сменить профессию. Не так все и страшно...

– Наивный ты, Николай Викторович, человек. Что бы ни говорили следаки, они будут просить для тебя пожизненное заключение. Оттуда побег даже теоретически невозможен. При всем нашем желании и всей нашей помощи.

Он, конечно, удивил меня таким сообщением. Но вида я постарался не подавать.

– За что же мне такое уважение и почет? Что я такого натворил, чтобы на пожизненное тянуть? Можно это объяснить, товарищ подполковник?

Если своим лицом я владел хорошо, в чем был уверен, голос мой, видимо, все же сорвался и прозвучал с нотками горечи. Это я прочитал в змеином взгляде подполковника Лагуна. Да и сам, конечно, почувствовал.

– Пехлеван для тебя постарался, – объяснил Александр Игоревич. – Он выступил в Интернете, поблагодарил тебя за сотрудничество и обещал помочь тебе выбраться с зоны любым способом, даже силой, которая у него есть. И пообещал, что твоя доля драгоценностей тебя дожидается. Это он так желает подчеркнуть свою порядочность и потопить тебя – ведь у него нет причин хорошо к тебе относиться... Но это наше мнение. А у присяжных заседателей и у судей мнение может быть собственное, и пожизненное заключение тебе светит, как солнышко из утреннего тумана. Ты готов к такому повороту событий?...

– Прямо сейчас, что ли, сбежать? – в сердцах сказал я чуть задумчиво, но вовсе не мечтательно.

– Прямо сейчас, мне кажется, не стоит, – прокомментировал Александр Игоревич мое желание. – Потерпи до завтра. Быстро тебе в любом случае обвинение предъявить не успеют.

– А изменится что завтра? Только два этажа добавится, которые нужно преодолеть. Завтра я в камере буду, и спускаться мне тогда предстоит с третьего этажа. А сейчас только один этаж преодолеть – и я уже во дворе. Конечно, с оружием, которое, думаю, конвоиры для меня уже приготовили.

– А сами конвоиры? – с любопытством, словно проверяя мою решимость и готовность к поступку, спросил подполковник.

– А что, они мешают мне, что ли? – искренне удивился я. – Пусть лежат в коридоре. Если на металлическом полу холодно, могу их в кабинет затащить. В кабинете пол теплее. Да, наверное, лучше так, а то споткнется еще кто о них, упасть может, разбиться...

Александр Игоревич улыбнулся, хотя его змеиные глаза по-прежнему оставались ледяными.

– Не торопись.

– Готов выслушать ваше предложение, – сказал я уже совершенно четко и конкретно.

– Согласен? – так же конкретно спросил подполковник.

– Вы, наверное, когда сюда собирались, от своего начальства услышали: а куда он денется? И оно было право. Некуда мне деться. Я к стенке приперт. И готов что-то предпринять, чтобы обрести свободу. И понимаю, что за свободу следует платить. А платить я готов. Подписывать соглашение, надеюсь, мы не будем? Никаких бумаг. Это мое конкретное и категоричное условие. Иначе без вас убегу, и тоже будете меня ловить.

– Условие твое принимается, поскольку не в наших интересах иметь документы о каких-то конкретных операциях. Тем более что ты сразу начнешь с конкретной акции. Прямо сегодня. Будь готов.

– Вы поручите мне уничтожить вертухаев или начальника СИЗО? – спросил я почти наивно. – Если вертухаев, то всех – или только на своем этаже? Или только конвойную службу?

– Не кривляйся, я этого не люблю. Слово сказал – значит, стал моим подчиненным. Кое-какие документы нам все же предстоит оформить, но там ты будешь числиться офицером воинской части, номер которой ничего никому не скажет. А звать тебя будут Василий Андреевич Самаров. Наверное, скоро и капитанское звание присвоим. Все зависит от того, как ты проведешь операцию по собственному освобождению. А теперь...

– А теперь, товарищ подполковник, пора, наверное, и о самом освобождении поговорить.

– Да. Именно это я и хотел сказать. Но обязан предупредить тебя еще вот о чем. Изначально мне нужно было от тебя только принципиальное согласие. Его я получил. Теперь хочу

сказать кое-что об условиях работы. Что такое приказ, тебе, офицеру, объяснять не нужно. У нас приказ еще более жесткий, чем в армии. Его неисполнение или отказ от его выполнения автоматически переводит тебя из категории ликвидаторов в категорию подлежащих ликвидации. Какой бы приказ ты ни получил...

– Бывает, товарищ подполковник, что приказ выполнить невозможно – противник может оказаться сильнее. Что тогда?

– Ты таких приказов получать не будешь. И вообще ты не один будешь работать. На тебя, конкретно на тебя, будет трудиться целая служба. Вся подготовка акции будет осуществляться помимо тебя. Если миссия невозможна, тебя, Василий Андреевич, просто не пошлют...

Он уже начал называть меня новым именем, к которому мне еще только предстояло привыкнуть. Но, чтобы избежать жизни за решеткой, я готов был хоть горшком назваться, лишь бы в печь не посадили. В печи, наверное, не лучше, чем в камере для осужденных на пожизненное заключение, хотя категорично утверждать это я не берусь, поскольку еще не был ни там ни сям.

– Хорошо. Я ваше предупреждение, Александр Игоревич, понял, – я умышленно назвал его уже по имени-отчеству, акцентируя это ударением и тоном, показывая, что свою новую службу начал понимать. – С чего я должен начать? На мой взгляд, проходить один этаж до двора всегда проще, чем три этажа, когда на лестницах по закрытой двери с часовым. И потому я начал бы пробиваться на свободу немедленно.

– Такая торопливость ни к чему. Пару часов потерпеть сможешь? Через пару часов приедет полковник Ласкин. Его «Рейндж Ровер» за ворота СИЗО не пускают. Машина останется на улице. Ключи будут у Ласкина, как обычно, в кармане. Мы его отслеживали, он всегда кладет ключи в правый карман бриджей. Когда в гражданской одежде – в правый карман брюк.

– Да, допросы проходят обычно на первом этаже, – согласился я. – Это удобнее. На этаж меньше пробиваться.

– Вообще не надо пробиваться. Тебя повезут на следственный эксперимент во двор дома убитого хозяина ювелирного магазина.

– Меня уже возили, – напомнил я, хотя был уверен, что подполковник Лагун такие подробности знал, и вообще знал, видимо, о моем уголовном деле намного больше меня.

– Я в курсе. Но, если я говорю, что повезут еще раз, – значит, повезут. Ты слушай меня внимательнее. Возил Барбосов, теперь повезет Ласкин. Поедешь в машине старшего следователя на заднем сиденье, по обе стороны от тебя посадят по вертухаю. На тебе будут незакрытые наручники. Закрытые, то есть, но не защелкнутые. Сбросишь их одним движением. Это постарается вертухай, который будет сидеть справа от тебя. Его зовут Габиб. Этого парня потом бери с собой, он поддержит и поможет, кое-что подскажет. И будет знать, куда ехать. Тот, что сядет слева, вообще ни о чем не знает. Он очень неприятный, мягко говоря, человек и многим клиентам СИЗО отравил жизнь. К тому же очень любит малолетних русских девочек. Вообще к русским относится плохо, и к тебе тоже, наверное. Поступить с ним можешь по своему усмотрению.

Теперь – внимание! Впереди справа будет сидеть серьезный человек, с которым справиться достаточно сложно. Он как раз из тех специалистов, что пресекают попытки к побегу. Если поступала информация, что кто-то готовит побег, этого человека выставляли в охрану. Специалист, так сказать, по беглецам. Как правило, это заканчивалось смертью последних. По крайней мере, три случая нам известны точно. Один из этих трех побегов готовился администрацией СИЗО специально, чтобы пустить пулю в спину человеку, которого они не хотели видеть живым. Следаки все про него знали, но ничего доказать не могли. И потому отдали его специалисту. С этим конвоиром – он будет, как всегда, в гражданской одежде, но кобуру со «стечкиным» обычно носит по-ковбойски на бедре, – тоже можешь поступить по своему усмотрению. Но учти, что он и бойцовские навыки имеет, и стреляет очень быстро и точно, в том числе на звук с закрытыми глазами. Значит, предположительно, может стрелять и почти в

бессознательном состоянии. Вывод тебе понятен. За спиной его оставлять нельзя ни в каком положении. Он очень любит стрелять именно в спину бегущему. И попадает всегда точно в позвоночник. Я не берусь утверждать, что Габиб тоже будет стрелять – все-таки он хорошо знает своих напарников, может рука не подняться. Все на тебе.

– А хозяин машины? Старший следак...

– Сложная личность. Он ждал большой взятки за участие в этом деле, но ничего не получил. Ему только задали несколько вопросов, на которые он не сумел ответить. Полковник – беззастенчивый взяточник и вымогатель. На него вот-вот могут завести уголовное дело, и он надеется, что мы прикроем его. И потому взялся помочь. Я сам с ним общался, и мнение о нем составил не самое лучшее. Ласкин всегда готов предать, если ему это будет выгодно. Мы договорились, что перед поездкой он передаст тебе заточку – хоть какое-то оружие. Она будет завернута в тряпку, которую полковник оставит себе. Он боится, что на заточке останутся его отпечатки пальцев. С Ласкиным договорились, что ты просто оглушишь его ударом по голове, но он очень просил, чтобы ты не ставил ему синяков. У его сына скоро свадьба, хочет иметь приличный вид. Но, я повторяю, он человек ненадежный. Можешь поступать по своему усмотрению, но я бы советовал лишить его возможности дать хоть какие-то показания. Вообще никаких показаний. Понимаешь, о чем я говорю? Старший следователь в этом деле помогает тебе по принуждению и надеется потом шантажировать нас. Его в любом случае придется потом убирать. Понимаешь?

– Понимаю...

– Лучше вообще больше с ним не возиться. Никогда. Это принцип, который ты должен в себе воспитывать. Свидетели могут появиться всегда, но их лучше не иметь, чтобы дважды не делать одно и то же дело.

Логически, как человек, я все понимал. Как офицер спецназа – тоже понимал. Но все эти люди со стороны, из разных ведомств, называемых силовыми, почему-то всегда считают любого спецназовца стопроцентным убийцей без жалости. А офицер спецназа всегда только лишь человек, которому в силу обстоятельств иногда приходится проявлять жесткость. Однако она вовсе не обязательно должна становиться жестокостью. А Лагун этого не понимал и понимать не хотел. У него жил в голове стереотип, созданный американскими фильмами – и нашими современными фильмами тоже, поставленными по американским лекалам.

– Со свидетелями разобрались, – констатировал я, предполагая работать от обстановки, как это обычно бывало в спецназовских операциях. – А дополнительная охрана будет? Полковник Барбосов, когда возил меня на следственный эксперимент, брал еще пять человек охранников.

– Да, будет еще «уазик» с вертухаями. Но за пару километров до объекта у него прострелят колесо. Выстрел никто не услышит. Стрелять будут издалека из «винтореза» – ты знаешь, это снайперская винтовка со встроенным глушителем. Поэтому никто не поймет, что случилось. У старшего следователя с «уазиком» связи не будет. Он заметит, что часть охраны отстала, и скажет об этом вслух, но ждать откажется. Мы его попросили об этом, отказать же нам он не решился. Слова Ласкина будут тебе сигналом. Ты начнешь работать, я думаю, тогда, когда машина остановится у ворот двора убитого хозяина ювелирного магазина. Смотри по обстановке. Или в самой машине начинай. В тесноте все сделать, может быть, удобнее. Или когда из машины выйдете. Ориентируйся сам. Главное – не дать возможности парню с переднего сиденья достать оружие. Значит, дистанцию с ним разрывать нельзя. Но вообще-то он ориентирован на попытку твоего освобождения извне, следовательно, на тебя самого внимания обращать будет меньше. Это твой шанс. Что скажешь относительно расклада сил? Справишься?

– Справился бы и без помощи Габиба. Но если он будет помогать, спасибо ему на том. Значит, жить будет, если захочет.

– Может быть, и будет... – мрачно предположил Александр Игоревич. – Но это, наверное, лишнее. У него другая задача, собственная. По ходу дела поймешь. Габиб покажет, куда ехать. Там тебя встретят. За остальное не беспокойся.

– Я не беспокоюсь. Но у меня есть вопрос, и он для меня очень важен. Даже не вопрос, а просьба, почти условие.

– Выкладывай, – Лагун сказал настороженно. Похоже, на его службе не любят условий.

– Пехлеван...

– Хочешь его достать?

– Хочу поставить его на место. Заставлю поделиться, если обещал, а потом убью. Что поделять, если я такой мстительный от природы человек? Мне эта мысль спать спокойно не даст, честное слово...

Я не стал говорить полную правду. Человек я от природы вовсе не мстительный и сплю спокойно после всяких передраг. Но только достав Пехлевана и захватив или его самого, или кого-то из его осведомленных помощников, я могу надеяться оправдаться перед судом. Однако при этом я не уверен, что подполковник Лагун очень хочет, чтобы я вышел сухим из воды и вернулся в спецназ ГРУ.

– Благое намерение. Думаю, в этом мы тебе отказать не сможем. Более того, у нас есть агентура, способная дать тебе о Пехлеване подробную информацию, хотя я боюсь, что сейчас он слишком далеко. Но расстояние не проблема, транспортными средствами мы тоже располагаем. Если ты хорошо себя зарекомендуешь во время побега и позже, думаю, командование пойдет тебе навстречу. Я же такими полномочиями, скажу честно, не облечен и ничего обещать не могу. Все в руках командования. Все наши действия строго регламентированы и просчитаны. Самостоятельности, как в спецназе ГРУ, у нас не любят. Но, мне кажется, навстречу пойти могут.

– И на том спасибо.

– Кстати, ты не знаешь, зачем Пехлеван уже после вашей истории похитил продавщицу магазина? Прямо среди бела дня, прямо из магазина...

– Мне он не докладывал. Могу только предположить, что влюбился до одурения и захотел жениться. У горцев принято воровать невест. Или же просто не может сам с драгоценностями разобраться, что сколько стоит. Продешевить боится. Или просто решил свой магазин открыть и персонал подбирает. Вариантов много.

– Хорошие предположения, и на том спасибо, – ответил мне подполковник моей же картой...

* * *

Когда меня отводили назад в камеру, вертухаи разговаривали на своем языке, но очень недобро. Похоже, подполковник Лагун сильно достал их. И не обо мне они заботились, когда говорили, что обед остывает, а о себе. Мою порцию старик не съест, и она дожидается меня за дверью. А вот сами вертухаи могут остаться и без обеда, поскольку, как я слышал, у них аппетит отменный, а опоздавших в их компании не ждут.

В камере, как оказалось, никого не было, обед старика-соседа тоже стоял нетронутым. Должно быть, его повели на допрос или тоже на свидание. К нему время от времени приходил кто-то из родственников, не бросили старика умирать от скуки.

В камеру меня, когда я чуть замешкался на пороге, затолкнули ударом ладони в спину. Так вертухаи выказали свое недовольство. Но я даже внимания на них не обратил. Хотя понял, кто из них нанес удар. Второй не был таким злым, и я не слышал, чтобы он распускал руки. Только, случалось, язык, – но в СИЗО без злого языка работать невозможно. Однако, занятый своими мыслями, я на удар-толчок даже не отреагировал. Только прошел по инерции глубже в

небольшую камеру и даже не обернулся. Услышал, как в замке повернулся ключ. Хотя в голове промелькнула мысль: трепещите, вертухаи, скоро я буду на свободе...

К обеду я не притронулся. И не потому, что был человеком компанейским и хотел дождаться старика соседа. Просто уже был уверен, что на свободе смогу поесть что-то более приличное, чем местная бурда. А ждать осталось недолго. Но ждать я умел, не изнуряя себя и сохраняя хладнокровие. При моей службе часто доводилось участвовать в засадах. А в засаде умение ждать, не теряя самообладания, значит многое. Его потеря грозит преждевременными действиями, которые могут сорвать выполнение боевой задачи. Точно так же и в моем положении. Следовало спокойно ждать и не суетиться – даже внутренне, даже в мыслях.

И я ждал...

* * *

Соседа старика я так и не увидел. Помнится, он что-то говорил о предстоящем следственном эксперименте. Наверное, его повезли в родной двор. Иначе давно бы уже вернулся. Но ничего, я не расстраивался, что не попрощался. Старик простит меня. За мной же снова пришли два вертухая. Теперь уже другие. И, я так понял, именно они должны были меня сопровождать. Кто из них зовется Габибом, я сразу не понял. Оба были мрачными и раздраженными. Но одного из них я должен был оставить жить, хотя не уверен, что надолго, поскольку обратил внимание на недвусмысленную фразу подполковника Лагуна о собственной задаче Габиба. Но это меня мало касалось. Разобраться, кто из них кто, я еще успею.

– Опять свидание? – спросил я, показывая свое хорошее настроение.

– С патологоанатомом, – изувверски проговорил один из вертухаев, не подозревая, что говорит, скорее всего, о себе. Я так предположил, что это сказал не Габиб.

– Руки за спину!

Вообще-то, по правилам, даже внутри здания СИЗО заключенных положено переводить с наручниками на руках. Сначала меня так и водили, пока не убедились, что я не буйный. Здесь это правило не всегда исполнялось. Слишком сильная охрана, слишком много часовых, и это расслабляло вертухаев. Причем, как я предполагал, расслабление это должно продолжаться и за пределами СИЗО.

Выглядели вертухаи, как обычно, одинаково. Два крепких парня, представлявших какую-то из многочисленных народностей Дагестана, были уверены в себе и в своих силах. Все они оказались и ростом повыше меня, и телосложением покрепче. Особенно если смотреть на телосложение через одежду, скрывающую жесткость, сухость и эластичность мышц. Каждый наверняка думал, что даже в одиночку справится со мной. Они знали, что я офицер спецназа ГРУ, но не знали, что это такое. И это было их большой ошибкой.

Меня снова повели по гулким металлическим лестницам, я слышал звуки своих шагов и внутренне радовался, что после этого могу позволить себе ходить неслышно, как привык ходить всегда. К такой поступи трудно привыкнуть, но так же трудно от нее отвыкнуть. А негласные тюремные правила таковы, что твои шаги в коридорах и на лестнице должны быть слышны. Меня предупредил об этом первый же вертухай, с которым я встретился. Не будешь ходить громко, тебя научат. Это были своеобразные меры безопасности, но, на мой взгляд, меры неправильные. Часовые привыкают к громким шагам и потому могут вовремя не среагировать на тихое приближение опасности. Но объяснять это вертухаю я не стал. Просто подчинился, хотя по неслышной поступи даже скучал. И сейчас, ступая умышленно громко, вслушивался в свои шаги и в шаги сопровождающих меня и радовался в душе, что скоро избавлюсь от этого шума. Я вообще тишину люблю...

В этот раз мы спустились на первый этаж, где обычно и проходили мои допросы. Один из вертухаев постучал в дверь, услышал негромкое приглашение и распахнул дверь, молча про-

пуская меня и своего напарника. Тот начал докладывать по всей форме, но полковник Ласкин ленивым жестом его остановил. Старший следователь в этот раз был в гражданской одежде, но я сразу увидел, что в правом кармане брюк он держит брелок и ключи от своего «Рейндж Ровера». Я ни разу в жизни на таких машинах не ездил. Наверное, потому, что мне никто взятки не предлагал. А иначе простому служащему такую машину купить невозможно. На «Рейндж Ровере», насколько я слышал, ездит даже английская королева.

Старший следователь по особо важным делам явно был не в духе. Наверное, нервничал и пытался скрыть это под маской недовольства всем и всеми. И вертухаев высрал в коридор недовольным жестом.

– Как снизу доложат о готовности, сообщите.

Оба вышли. Значит, поездка на следственный эксперимент была запланирована и вертухаи находились в курсе дела.

– Ну что, готов, Самоваров, к следственному эксперименту? – спросил меня Ласкин, но фраза явно предназначалась вертухам, которые не успели далеко отойти от двери и могли слышать разговор.

– Готов, товарищ полковник. Всегда готов.

Я тоже говорил бодро и спокойно, никак не показывая своего внутреннего напряжения, от которого избавиться полностью было, наверное, невозможно. И самые опытные спортсмены перед схваткой обязательно испытывают волнение, даже если хорошо знают соперника и не ожидают от него серьезного сопротивления. Самые опытные бойцы тоже волнуются перед боем, только не показывают этого.

Ласкин, не теряя времени даром, вытащил из портфеля заточку и молча протянул мне. Оружие было завернуто в тряпку. Старший следователь зажал ее в своей руке, не прикасаясь к металлу пальцами. Металлический стержень был чуть тоньше моего мизинца, твердый, негнущийся, заточенный очень остро, в чем я сразу убедился, потрогав острие пальцем. Убрал оружие сначала в рукав левой руки и немного подумав, я переложил его в правый рукав. Тупая часть была обмотана черной изоляционной лентой, чтобы металл не скользил в руке. Но в моих пальцах металл и без ленты не стал бы скользить.

Переключившись из рукава в рукав было обусловлено коротким размышлением над ситуацией. Справа от меня должен был сидеть Габиб, слева – вредный вертухай. Если бы я пожелал сразу ударить его заточкой, то, конечно в левый рукав ее и следовало убирать. В этом случае оружие доставалось одним движением. Но тогда охранник с переднего пассажирского сиденья имел бы время на то, чтобы предпринять свои контрмеры. А мне не следовало давать ему этого времени. Я решил действовать иначе, сообразив, что и тупой конец оружия тоже металлический, несмотря на обмотку изоляционной лентой. Следовательно, сидящему впереди оперативнику можно нанести болезненный удар. Поэтому я и убрал заточку в правый рукав.

Следователь достал из портфеля какие-то бумаги и сунул мне под нос. Потребовал:

– Распишись.

– Что это? – спросил я.

– Согласие на участие в следственном эксперименте.

Читать я не стал. Может быть, он мне и что-то другое подсунул. Но меня уже мало волновала судьба старшего лейтенанта Николая Викторовича Самоварова. Я начал вживаться в судьбу Василия Андреевича Самоварова, то есть мысленно становился полноценным сыном сестры моей матери. Я подписал, даже не сядя за стол, а просто склонившись над ним. Торопливости сейчас допускать, конечно, было нельзя, но мне очень хотелось, чтобы все завершилось как можно скорее, и потому я мелкими шажками сокращал ожидание...

Глава вторая

Наручники на меня надели прямо в кабинете, на глазах у старшего следователя Ласкина, который, демонстрируя свою бдительность, еще и потрогал их руками, сам проверяя, насколько крепко они сидят на руках. Я боялся, что он нечаянно защелкнет их, но обошлось. Борис Леонидович умел обращаться с наручниками и потряс их, только предварительно зажав в кистях.

Габиб, который надевал наручники и которого я только по этому действию и определил, так и пошел справа от меня. Второй вертухай пристроился слева и чуть сзади. Нам уже не нужно было спускаться по лестнице, следовательно, и не было нужды идти друг за другом. А коридор позволял двигаться втроем одной шеренгой. Впереди шел Ласкин. Он очень сильно нервничал, и это было заметно даже по его лицу, когда он обращал его в мою сторону. Может быть, боялся моего удара, обещанного подполковником Лагуном. Такое тоже бывает. Человеческая психика вообще вещь непредсказуемая. Я знавал одного боевого офицера, дважды, кстати, раненного, который падал в обморок от вида обыкновенного медицинского шприца. Сам признавался, что с детства боится уколов. Но это вовсе не делало его трусом. В бою он легко шел навстречу пуле, не испытывая сомнений.

Но мне до Ласкина дела было мало. Отчего же напоследок не понервничать человеку? Может, чувствовал что-то. Может, просто от природы хладнокровия не хватало, поэтому попросту, как говорят спортсмены, перегорал. В этом случае тем более нельзя было его оставлять в живых, и я не мог не согласиться с мнением Александра Игоревича. Старший следователь вовсе не тот человек, на которого можно молча положиться.

Во дворе нас уже ждал «уазик». Ласкин жестом послал машину сопровождения к воротам. Створки раскрылись. Следователь отдал часовому какую-то бумажку, видимо, пропуск на вывоз арестованного. «Уазик» выехал и за воротами остановился. Из машины вышли четверо охранников, один из которых был вооружен не пистолетом, а видеокамерой – как я понял, для фиксации следственного эксперимента. И только после этого вывели меня. Ласкин показал на темно-серый, почти черный «Рейндж Ровер», вытащил ключи и «мякнул» сигнализацией.

Садись на заднее сиденье с одной стороны. Сначала вертухай, что шел слева – он долго задвигался к противоположной дверце, потом я, а за мной уже Габиб. После этого сел за руль и старший следователь. Но пришлось еще пару минут дожидаться охранника в гражданском с пистолетной кобурой на бедре. Этот прибежал бегом и сразу сел на переднее пассажирское место.

– Едем, – скомандовал не полковник, а именно этот опоздавший охранник и посмотрел сквозь автомобильные стекла по сторонам, словно оценивая дорожную ситуацию.

Мне, сидевшему на заднем сиденье посередине, было видно, что происходит впереди. Но смотрел я не на дорогу, а наблюдал за управлением такой шикарной машиной. Что меня сразу слегка удивило – отсутствие рукоятки селектора автоматической коробки передач. Увидеть механическую коробку с ее привычным рычагом я, естественно, и не ожидал и вообще думаю, что «Рейндж Ровер» с механической коробкой не выпускается. Но здесь и селектора не было. Поэтому я, рассчитывая этой машиной воспользоваться, внимательно наблюдал, как ею управляют. Конечно, я знаю, что, например, на люксовых моделях «Мерседесов» селектор стоит на рулевой колонке. Здесь же и на рулевой колонке его не было. Все оказалось еще проще: на панели между сиденьями круглое колесо джойстика заменяло рычаг селектора. Так я, по крайней мере, оценил все действия старшего следователя, когда машина тронулась.

Только решив эту достаточно простую задачу, я начал прикидывать, что мне вскоре предстоит предпринять. То есть стал просчитывать варианты нападения внутри машины. Впрочем, это я просчитал раньше, еще в камере СИЗО, и осталось сделать только самое малое – произвести так называемую «привязку к местности». А это сложностей не вызвало.

Ехали долго. Мне в салонное зеркало заднего вида не был виден идущий позади «уазик». Я видел лишь лицо старшего следователя Ласкина. В дороге он, кажется, слегка успокоился. Безмятежно чувствовали себя и вертухаи. Разве что Габиб был слегка напряжен – или чувствовал что-то неладное, или совесть начала донимать. Я бы попросил его еще потерпеть, но это могло не понравиться другим. Напарник Габиба вообще свесил нос и посапывал. Ход у машины мягкий, едет плавно и укачивает тех, кто больше привык к «уазикам». Охранник на переднем сиденье не спал, внимательно смотря по сторонам. Дважды нас в дороге обгоняли, хотя ехали мы довольно быстро, и оба раза охранник тянулся чуть вперед. Видимо, рука его в этот момент уже лежала на рукоятке пистолета, и он был готов встретить любое нападение.

Я эту дорогу знал плохо. По ней меня уже один раз возили на точно такой же следственный эксперимент, но тогда мы ехали на «уазике». Дорога казалась тряской. Надежды на то, что ее отремонтировали специально для меня, я не питал. И потому был склонен хорошо думать о «Рейндж Ровере». Вообще, машина мне понравилась. Хотя Василию Андреевичу Самоварову, наверное, иметь такую уже никогда не доведется, как не довелось бы и в бытность свою старшим лейтенантом спецназа ГРУ Николаю Викторовичу Самоварову.

Между тем местность стала более знакомой. Я уже начал предполагать, что скоро мы приблизимся к злополучному поселку, – и не ошибся. Мои надежды были подтверждены не визуальными наблюдениями, а словами Ласкина. Старший следователь слегка притормозил, сбрасывая скорость, и стал внимательно всматриваться то в одно, то в другое зеркало. Потом сообщил:

- «Уазик» с охраной колесо проколел.
- Что делать будем? – спросил охранник с правого переднего сиденья.
- Не ждать же... Они знают, куда ехать. Жалко, оператор с ними, снимать некому будет... Ладно. Мы пока присмотримся, поговорим. Колесо сменить недолго, – он опять посмотрел в зеркало. – Уже домкратят и запаску катят. Догонят через пять минут. Нам ехать-то осталось...

Охранник на переднем сиденье тоже посмотрел в зеркало со своей стороны. Я понял, что более удобного момента мне не дожидаться. И не нужно мне вовсе, чтобы машина остановилась у ворот. Я на ходу лучше справлюсь...

* * *

Потянуться имеет право даже человек в наручниках. Я потянулся, заранее ухватив двумя пальцами тупой конец заточки, и вытянул перед собой обе руки. Даже громко зевнуть не забыл. Все дальнейшее было делом техники. Заранее спланировав свои действия, я уже не думал, а только делал. Чуть раздвинул руки, и наручники с них слетели. Правая рука ушла резко назад, оставляя заточку в левой. Я нанес удар сидящему слева вертухаю тупым концом и попал, как и целился, точно в нос. Он только что проснулся и еще не соображал ясно, поэтому не сумел даже чуть-чуть отвернуть голову в сторону. Этот удар в классике «рукопашки» считается болезненным и всегда вызывает шок. А я именно этого и добивался. Главное, что рука с заточкой ушла за мое левое плечо. Даже при том, что я от природы не левша, левой рукой я тоже бить умею. Теперь острие смотрело вперед и должно было уйти точно туда, куда смотрел и я, – под ухо охраннику с переднего сиденья. Сидел он для такого удара удобно, и промахнуться я бы не смог. Но Габиб среагировал по-своему и выстрелил в переднего вертухая прямо сквозь сиденье. Старший следователь все видел и, естественно, слышал, но только прибавил газу. Видимо, от потрясения, потому что кровь текла и из спины охранника на переднее пассажирское сиденье, и из носа вертухая слева от меня.

Я же на этом не остановился и резко добавил левому вертухаю локтем в печень. Удар в нос – это, конечно, больно, но из всех ударов самым болезненным является именно в печень.

Не случайно в таких ситуациях теряют сознание из-за болевого шока. Этот удар был отработан на многочисленных тренировках, и я не сомневался, что он своего достигнет. Он и достиг. Вертухай, так и не познакомившись с заточкой ближе, несколько раз хватанул воздух раскрытым, как шторы на окне, ртом, отрубился и уже не помешал мне вытащить из его кобуры пистолет.

Машина как раз остановилась перед воротами нужного нам дома. Но Борис Леонидович сообразил, что заезжать во двор мы не будем, и потому встал к воротам боком. Сигналить, чтобы открыли ворота, не стал. В прошлый раз, когда меня возили на следственный эксперимент с Барбосовым, распорядившись в доме наследник, старший брат убитого хозяина ювелирного магазина, пытался броситься на меня с ножом. Ласкин, похоже, слышал про это и старался избежать обострения. Но что делать дальше, Борис Леонидович не знал.

– Выпусти, – попросил я Габиба.

Тот послушно открыл дверцу и вышел. Я двинулся следом за ним и сразу обошел машину сзади. Старший следователь по особо важным делам тоже покинул свое место, засовывая в карман ключи с брелоком. Он, видимо, надеялся, что дальше я пойду пешком. Ласкин еще не понимал, что ходить на большие расстояния я небольшой любитель. Я вообще больше люблю бегать, но мой партнер мог не выдержать нагрузки, поскольку темп при беге я обычно задаю высокий, а Габиб не производил впечатления тренированного человека. Его животик говорил, скорее, об обратном.

– Вот портфель, – Ласкин протянул мне свой потертый портфель из кожи, имитирующей крокодиловую, – пистолет там. Беги...

– Извините, товарищ полковник, я бегаю хорошо, но езжу все же быстрее. Ключи...

Портфель я взял, хотел сесть в машину, но старший следователь, кажется, решил упереться и не отдавать мне ключи. Я уже перебрал портфель из левой руки в правую, чтобы аккуратно достать печень полковника, но тут из-за моей спины прозвучал выстрел. Габиб торопился и выстрелил в голову Ласкину. Значит, подполковник Лагун подстраховался и поставил Габибу эту задачу, не надеясь на меня. И правильно. Я не хотел убивать Ласкина, думал просто оставить его на дороге. Это не было бы нарушением приказа. Помнится, Александр Игоревич оставил вопрос на мое усмотрение... Но дело было сделано, и больше я не задерживался. Сразу вытащил из кармана старшего следователя ключи, отбросил ногу убитого, чтобы не переезжать ее, убедился, что Габиб уже занял свое место, и довольно быстро сумел включить на непривычном круглом селекторе режим «драйв». Машина была в самом деле хорошая. Не знаю, какой у нее разгон по паспортным данным, но с места она взяла так резво, что меня вдавило в сиденье, как на центрифуге.

– Габиб, куда? – спросил я.

– Прямо. Пока прямо. На выезд из поселка. Прямо мимо здания школы, а потом через квартал, кажется... Я скажу, когда повернуть. Эй-эй... Гамзит в себя приходит...

Я понял, что он говорит о своем напарнике.

– У тебя что, пистолета нет?

Двигатель машины почти не был слышен, и потому выстрел в салоне прозвучал очень громко. Габиб уже ступил за черту и решил назад не возвращаться. Да и поздно было. После двух первых выстрелов третий дался ему, наверное, легко. Хотя я судить его не берусь, поскольку не знаю, какие обстоятельства толкнули его на предательство своих товарищей по службе.

На скорости я пролетел по улицам. Краем глаза отметил типовое здание школы, мимо которой должен был проехать, и убедился, что двигаюсь правильно, хотя Габиб поправил бы меня, если бы я не туда свернул. Движения в поселке практически не было. Я увидел только одну машину, которая проехала перекресток до того, как мы к нему приблизились. Да и людей на улицах было мало. Погода стояла слякотная, слегка туманная, больше питерская, чем кавказская, и не располагала к прогулкам.

– Следующий перекресток – направо, – подсказал Габиб. – И из поселка на шоссе. Под Красной скалой будет ждать машина.

Из поселка я вылетел, как на боевом вертолете, идущем в атаку. Кто видел, тот знает, что это такое. И скорость чувствовал, и свободу, и не терпелось быстрее покинуть эти улицы, такие трагичные для меня. Выйдя на шоссе, я прибавил скорость. Машина была послушной и терпеливой, хорошо держала дорогу на поворотах, несмотря на большой клиренс. Видимо, срабатывала электронная система стабилизации. Было жалко думать, что с этим «Рейндж Ровером» что-то сделают. А сделать должны были, чтобы замести следы.

Красную скалу я заметил издалека. Она высилась рядом с дорогой, выделяясь среди окрестных, более ровных холмов своей ломаной линией. А по другую сторону Красной скалы зиял обрыв. Не под девяносто градусов, конечно, но тоже достаточно крутой.

Под Красной скалой стоял микроавтобус, тоже красный. Да уж, маскировочка... Хорошо, хоть машина была не пожарная. Нас увидели и вышли встретить пять человек в гражданском. Я лихо подрулил и резко затормозил. Мощный тяжелый внедорожник остановился так, что вертухай за моей спиной чуть не взлетел мне на голову. Я выпрыгнул из-за руля, оставив ключи в замке зажигания. Какой-то человек в теплом, подбитом мехом джинсовом костюме шагнул навстречу и молча пожал мне руку, сразу определив, кто я такой, хотя мы с ним раньше ни разу не встречались. От меня тут же потребовали снять военную форму, которая все еще была на мне, и предложили джинсовый костюм и куртку. Переоделся я в секунды. Форму унесли в красную машину, а еще через пару-тройку минут оттуда вынесли тело, одетое в мою форму.

– Помоги, – сказал один из людей из красного микроавтобуса Габибу.

В это время другой человек, ростом около двух метров и с необыкновенной шириной плеч, шагнул вертухаю за спину. Я прочитал ситуацию, но промолчал. Они знали, что делают. Габиб наклонился, взял за руку тело моего бедного двоюродного брата – и в этот момент получил удар сзади. Били тяжелым кастетом из нержавеющей стали, сразу раскроив Габибу голову. С такими ранами, естественно, не живут. Вертухаю даже пульс прощупывать не стали. А я подумал, что когда-то может наступить и в моей карьере момент, когда какой-то человек зайдет мне за спину, уже продев пальцы в отверстия кастета... И мне следует быть предельно аккуратным, чтобы не допустить этого.

Я сделал знак рукой, чтобы посмотреть на брата, чье имя я беззастенчиво присвоил, не спросив его согласия. И за руку его взял. Рука была мягкой, тело не одеревенело. Наверное, его убили уже после того, как я дал согласие на сотрудничество.

Человек, что встретил меня и всем здесь распорядился, произнес:

– Извините, Василий Андреевич, нужно торопиться. Тело уже было одеревеневшим. Приходилось каждые полчаса вливать в него какую-то химию, чтобы было похоже на свежий труп. Время идет. Инъекции у нас кончились, и никто не знает, что будет с телом через час. Эксперты – народ дотошный.

Я кивнул, выпустил руку брата, отошел в сторону и перекрестился. При этом чувствовал себя очень гадко, словно предал Ваську. Бедный безумный брат мой...

Дальше все было просто, как я и предположил, еще когда увидел обрыв. В машину усадили тела Василия и Габиба, загрузили внутрь три канистры с бензином; пробки в них не были завинчены. Кто-то включил нейтральную передачу, потом все вместе дружно покатали «Рейндж Ровер» к противоположному краю дороги. Я не смотрел, как внедорожник летит с обрыва, помня, что там находится тело моего двоюродного брата, единственного близкого мне родственника, с которым я пятнадцать лет не виделся. Потерю начинаешь чувствовать, когда она состоялась. До этого же редко кто задумывается о ее возможности. А стоило бы думать. Может, тогда потерь было бы меньше...

* * *

– Короче говоря, вот так обстоит дело, Василий Андреевич, – сказал подполковник Лагун, начиная, похоже, серьезный разговор, но тут же отвлекся: – Ты, кстати, не куришь? Твой двоюродный брат курил «Приму», на более приличные сигареты у него не было денег.

– Бросил, – ответил я от лица Васьки. – Имеет же право любой человек бросить курить или пить. Вот я и пить бросил, и курить. И сразу так помолодел лицом...

– Ты на два с половиной года старше брата, я не ошибся?

– Нет, Александр Игоревич, не ошиблись. Хотя мне показалось, что он выглядит старше.

– Он выглядит не старше, а просто помятым. Это следствие образа жизни.

– Что за препараты вкалывали в тело?

– Чтобы кровь окончательно не застывала. Иначе не будет похоже, что Николай Викторович Самоваров скончался в результате аварии. Мы не были уверены, что машина взорвется – они не всегда взрываются, и потому перестраховались. Теперь, когда тело сильно обгорело, можно говорить о том, что мы старались зря.

– Какие-то данные по этому делу появились?

– Тела в морге, с ними работает патологоанатом. Он определит и огнестрельные ранения, и колотые, и те, что получены в результате аварии, как случилось с Габибом. Тело Ласкина там же. Рапорт по происшествию я еще не читал. Наверное, он будет готов только завтра. Но если вдруг появятся какие-то моменты, которые мы не смогли заранее просчитать, придется принимать дополнительные меры.

– Какие? И кто будет их принимать?

– Какие меры? Это будет зависеть от ситуации. Но тебя это в любом случае не коснется... О чем я начал говорить?... Дело у нас обстоит так. Поскольку в настоящий момент ты находишься в группе, которая была озабочена не только твоим освобождением, но выполняла и еще одну важную задачу, командование приказало использовать тебя в качестве члена вспомогательной группы. Будешь втягиваться в работу постепенно. Позже, как я тебе говорил, по окончании испытательного срока, уже целая группа будет работать на тебя. Эта или другая, я не могу сказать точно. Пока же придется стать чернорабочим. Так сказать, пройти карантин, как молодому солдату. Здесь у нас в отряде ликвидаторов нет. У нас задача другая, будем ее выполнять. Согласен?

– Разве у меня есть возможность выбора?

Подполковник хмыкнул, принимая мою манеру подчиняться, задавая вопрос.

– Значит, согласен?

– Согласен.

– Твоя задача на первом этапе будет не самой сложной. К тому же мы учитываем, что ты слегка отвык от жизни на свободе. Обычно это вызывает некоторые комплексы, своего рода микрофобии, способные помешать в работе, если она связана с передвижением. Я знавал одного уголовника, профессионального сидельца, который на свободе чувствовал полный дискомфорт. Он не мог даже в городском транспорте ездить, потому что там люди прижимаются друг к другу слишком тесно. Отгуляв несколько недель, он любыми средствами стремился снова угодить на зону. Только старался, чтобы не на строгую. Выбирал себе статьи, где рецидив не учитывается. Поэтому изучил Уголовный кодекс так, как его ни один юрист не знает. Мы дадим тебе время на акклиматизацию. Для начала будешь сидеть за ноутбуком и через спутник отслеживать телефонные разговоры нужных нам лиц.

– Александр Игоревич, – со слабым укором в голосе возразил я, – будет проще назначить меня старшим тренером, скажем, сборной Нигерии по хоккею с шайбой. Там у меня больше шансов на успех, хотя я на коньках кататься не умею.

– Не работаешь на компьютере? – спросил подполковник с удивлением, словно все люди должны это уметь. Было такое ощущение, что меня приравнивали к слепому или безногому.

– Работать-то работаю, – ответил я неуверенно, – но только на уровне обычного юзера. Могу рапорт написать и распечатать, могу в Интернете покопаться и найти то, что меня интересует. Что такое системы спутникового контроля, разумеется, слышал, но программу не знаю и работать в ней не умею.

Между тем подполковник, сам того не понимая, дал мне намек. Я хорошо знал, что даже ФСБ не имеет системы спутникового контроля. Из всех силовых структур лишь ГРУ имеет управление космической разведки, и его спутники-разведчики осуществляют контроль за любыми телефонными переговорами, которые требуется прослушать. Значит, организация, в которую меня втянули, если и не является составной частью ГРУ, то, по крайней мере, тесно контактирует с военной разведкой. Иначе никто не подпустил бы ее к спутникам... Впрочем, кое-какие другие государственные структуры, напрямую подчиняющиеся правительству, тоже могут иметь такой доступ. Как говорится, по приказу сверху.

– Если есть первоначальные навыки, – авторитетно сказал Лагун, – обучиться работать в программе – дело двух часов. Я посажу с тобой спеца, который раньше у нас и за компьютером сидел, и другие информационные задачи выполнял. Причем выполнял талантливо и быстро, поскольку в этой сфере специалист он незаменимый, и даже с ученым званием. Он поможет тебе освоить комп. Кстати, зовут его Володя.

– Может, я с какими-то другими задачами лучше справился бы? Где ученого звания не нужно, но нужно умение стрелять и драться, – предположил я. – Что он еще делал, этот специалист? Если, конечно, вы даете мне допуск к этой сфере...

Я понимал, что в чужие функции лучше не вникать и лишних вопросов не задавать. Это естественное разделение компетенции, принятое в военной разведке. Но хотелось чего-то более привычного офицеру спецназа, нежели сидение за ноутбуком.

– Допуск имеешь. Вообще у нас порядок такой, чтобы в группе все были взаимозаменяемы. Он – ученый-экстремал. Прикомандирован к нам временно. Ставит какие-то эксперименты на животных, изучает возможности их использования на войне. Справишься с такой задачей? Еще у нас в группе есть водитель-экстремал. Но ты, получив сегодня такую шикарную машину, как «Рейндж Ровер», уже умудрился ее разбить. И не просто разбить, а уронить с сорокаметрового обрыва...

Подполковник подшучивал надо мной. И я ответил тем же.

– Да, Александр Игоревич, машину разбил. Но и с этим один не справился бы. Толкали к обрыву всей толпой, то есть всей группой. Собственных сил мне не хватило бы...

– Вот-вот, я о том и говорю. Собирайся с силами, пока на тебя не привезли все документы. Комнату тебе выделили, кровать поставили. Это настоящая кровать, а не шконка. Можешь отдохнуть. Когда Володя приедет, я сразу пошлю его к тебе с ноутбуком. Введет в курс дела. Первый сеанс проведете учебный, на любой номер. Потом будешь работать самостоятельно. Не переживай, долго за монитором не засидишься. Это только пару-тройку дней. Иди...

* * *

Отдыхать мне не хотелось – я достаточно выспался в камере. Поэтому вышел во двор. Группа использовала под базу большой дом. Видимо, раньше здесь было какое-то учреждение – скорее всего, научного характера, потому что производственные предприятия, как правило, не располагают на таком отдалении от населенных пунктов.

Часового во дворе не было, но все же существовала система безопасности. Камеры видеонаблюдения просматривали не только периметр, но и окружающее пространство вместе с доро-

гой и с подходами дальними и ближними. Все камеры замыкались на системе мониторов, расположенных в кабинете дежурного. Офицеры оперативной группы, как я уже успел узнать, эту лямку не тянули – только офицеры охраны. Сами камеры, дублируя внимательный взгляд дежурного, активировались при любом движении в секторе просмотра, и тогда компьютер подавал звуковой сигнал. Такой системы безопасности не было даже в СИЗО, хотя, насколько я ориентируюсь на рынке электроники, система видеонаблюдения обходится гораздо дешевле, нежели выставление часовых, и работает она более продуктивно, полностью исключая так называемый человеческий фактор.

С системами видеонаблюдения я познакомился в бригадном военном городке, где их устанавливали в солдатских казармах. Благодаря им дежурный всегда мог проконтролировать, что делается в самом скрытом уголке. Официально это делалось для предотвращения дедовщины, хотя в спецназе ГРУ таких случаев и без того было ничтожно мало. Существовали другие причины, главная из которых – пьянство. Конечно, при нашем графике занятий, когда на сон выделяется только четыре часа, говорить о пьянстве сложно. Но в армию приходят парни, уже имеющие склонность к выпивке, и не сразу забывают про дурную привычку побаловать себя хотя бы пивком...

Во дворе я не увидел ничего интересного, кроме турника, на котором слегка размял мышцы, уже отвыкшие в СИЗО от серьезных нагрузок. Да еще рядом висел боксерский мешок, по которому наносил удары ногой человек в белом халате – наверное, врач отряда Лагуна. Присоединившись к нему, я нанес с другой стороны мешка два удара – не такие, правда, профессиональные, потому что обычно я предпочитаю не бить ногой выше пояса и даже не учусь этому. Потом вернулся в свою келью, которая представляла собой крохотную комнатку, отделенную от других таких же гипсокартонной стенкой. Время суток не слишком подходило для тренировки. В камере я делал только интенсивную разминку – растягивал суставы, качал пресс и постоянно отжимался от пола, причем исключительно на пальцах, чтобы не потерять силу своей кисти. Условий для других занятий не было вообще, и это выбивало меня из колеи.

Здесь наверстать упущенное тоже было сложно, но хотя бы турник стоял и мешок висел, и это уже радовало. На турнике можно будет привести в порядок плечевой пояс, а мешок использовать по назначению, отрабатывая удары руками и коленями, то есть те, которые я чаще всего применяю. А обойтись без перчаток я смогу.

* * *

Проснулся я от звука голосов. Гипсокартонные перегородки служить звукоизоляционным материалом, естественно, не могут, но они создают эффект эха и искажают звуки так, что слов разобрать невозможно. Сквозь сон я сначала ощутил беспокойство и только потом сообразил, что следует встать и выйти: вернулась группа, и, похоже, не с самыми лучшими вестями.

В большом помещении, разделенном перегородками на комнаты, существовал свой коридор. Дверь из него была распахнута настежь, из холла слышались возбужденные голоса. Я направился туда, прислушиваясь к возбужденному разговору.

– Они просто ниоткуда появились, – говорил низкий, слегка рокочущий голос. Я уже знал, что так разговаривает в группе только один человек – Полтора Коляна, двухметровый широкоплечий парень, как мне показалось, неуклюжий в движениях и даже слегка рыхловатый. – Не было их там, и вдруг появились... И сразу начали стрелять. Просто поднялись, как будто нас ждали, и сразу открыли бешеный огонь. Мы даже подготовиться не успели. Сразу залегли и ответили несколькими очередями. Но их было в три раза больше. Плотность огня такая, что голову сначала было не поднять. Хорошо, стемнело быстро, смогли уйти. Но контейнеры с костюмами пришлось бросить.

– Ниоткуда даже привидения не появляются, – строго возразил подполковник Лагун. – Значит, вы шли слишком шумно, без разведки.

– Мы заранее и место просмотрели в бинокли. Чисто там было. И на подходах – никого. Но вдруг появились как из-под земли...

Полтора Коляна благоухал какой-то дорогой туалетной водой. Хорошо, конечно, так пахнуть в мирной городской обстановке. Здесь же этот запах противоестественен – противнику себя демонстрируешь. Я в помещении издали этот запах уловил; а что уж говорить о противнике, который постоянно нос по ветру держит в самом прямом смысле этого выражения...

– Значит, из-под земли и появились, – сказал я, подходя и рассматривая два тела, принесенные бойцами группы. Раны были разные – и обычные, как от автоматной пули, и объемные, как от пули из крупнокалиберного пулемета. – Из чего в вас стреляли?

Бойцы группы не знали, стоит ли мне отвечать, поскольку докладывать они привыкли только своему подполковнику, находившемуся здесь же, в холле. Полтора Коляна попытался оправдаться.

– Понять было сложно. Темнело уже. По звуку обычные «калаши». Кажется, несколько раз «подствольник» ухнул...

– Кажется или ухнул? – Я спрашивал строго, как со своих солдат.

Лагун не возражал против такого допроса, и бойцы группы, не зная моего статуса, тоже не решились возразить.

– Мне показалось, один с дробовиком выскочил, – отозвался другой боец. – Я на него почему внимание обратил... У него на голове маскировка какая-то была, как куст заснеженный. Небольшой такой кустик... И дробовик, двустволка.

– Хорошее, наверное, ружье, – согласился я. – Картечь кучно кладет, почти без разброса. Одна рана – точно выстрел картечью. А у второго входное отверстие большое, а выходное – еще больше. На жакан похоже.

Я присел рядом с одним из убитых и своим носовым платком, не слишком чистым после долгого пребывания в камере, стер на ране кровь с маленького участка.

– Да. Картечью. Выстрел прицельный, в область сердца. Видимо, хороший охотник стрелял. Дистанция какая была?

– Метров сорок.

– Хороший стрелок... – Я протер рану и второму бойцу. – Здесь не картечь. Или жакан, или еще что-то такое же. Охотничье ружье – ствол убойный. Хотя для бандитов оружие странное...

– Там еще были люди с ружьями, – сказал кто-то. – Несколько человек...

– Даже так? Это уже на ополчение похоже, – сказал я и внимательно посмотрел в глаза подполковнику.

Я ситуацию не знаю, а он знает. Ему, наверное, все это больше понятно, чем мне.

– Василий Андреевич, пожалуй ко мне в кабинет. Поговорим... Полтора Коляна тоже. Убитых перенесите в подвал. В темноте мы их в морг не повезем. Темнота нам, оказывается, противопоказана...

Я уже привык к новому имени и среагировал сразу. Как только подполковник резко и недобро развернулся и двинулся по коридору, я последовал за ним. Полтора Коляна среагировал не сразу, хотя ему-то свое прозвище следовало давно запомнить, и спустя несколько секунд пошел следом за мной, сильно топая ногами. Неудивительно, что он не успел заметить, чем были вооружены бандиты в засаде, в которую попала возглавляемая им группа. У гиганта, кажется, действительно замедленная реакция, что для опытных бойцов вообще-то смертельно опасно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.